

Это все о ней...

Москва
«Русский Гулливер»
2014

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Э92

Э92 Это все о ней... Сборник памяти Татьяны Тихоновой. —
М.: «Русский Гулливер», Центр современной литературы,
2014. — 100 с.

Авторы:

Ирина Горюнова, Анна Аркатова, Дмитрий Дмитриев, Андрей Грицман, Герман Власов, Сергей Шестаков, Ольга Сульчинская, Вадим Месяц, Сергей Костырко, Елена Холмогорова, Геннадий Калашников, Александр Жолковский, Владимир Губайловский, Евгений Степанов, Алина Поникаровская, Елена Комарова, Василий Костырко, Вадим Муратханов, Петр Образцов, Санджар Янышев, Дмитрий Бак, Сергей Белоусец, Ирина Василькова, Елена Дорогавцева, Ирина Ермакова, Ольга Ильницкая, Александр Кабанов, Бахыт Кенжеев, Кирилл Ковальджи, Борис Колымагин, Евгений Кольчужкин, Андрей Коровин, Ирина Котова, Инга Кузнецова, Максим Лаврентьев, Евгений Лесин, Татьяна Милова, Виталий Науменко, Дмитрий Плахов, Наталья Полякова, Анна Ретеюм, Михаил Свищев, Евгений В. Харитоновъ, Борис Шапиро, Ганна Шевченко, Глеб Шульпяков, Санджар Янышев

Вместо предисловия...

14 июня 2013 года трагически погибла наша коллега, менеджер «Журнального зала» Татьяна Тихонова.

Она была очень живым, открытым человеком. Мы часто бывали друг у друга на вечерах. Каждый приход в клуб Журнального зала превращался в праздник, который всем дарила его хозяйка. Тани нам будет очень не хватать.

Ирина Горюнова

Идея этого сборника памяти Татьяны Тихоновой пришла мне в голову, наверное, потому, что слишком болезненно оказалось осознать и принять ее неожиданный и страшный уход. Надо было что-то делать, чтобы не погружаться в пучину безысходной тоски и печали. И я начала собирать его. Отозвались многие любившие Таню прозаики и поэты, приславшие мне тексты. А потом я искала издателя, готового помочь нам выпустить эту некоммерческую книжечку, и нам всем повезло еще раз: Вадим Месяц, руководитель издательства «Русский Гулливер», хорошо знавший Таню, с готовностью отозвался, за что ему большое спасибо. Должна заметить, что Вадим относится к тому же типу культуртрегеров, что и Таня. Его энергия и отзывчивость, количество культурных проектов, работоспособность и многое другое роднит их лучше уз крови, поэтому и издание сборника именно в этом издательстве — закономерно, естественно и правильно.

Таню нельзя было не любить: отзывчивая, добрая, с улыбкой на лице (я никогда не видела ее хмурой), она помогала всем и всегда. Ее подвижничество и культуртрегерство, вечера в Клубе Журнального Зала собирали огромное количество творческих людей, объединявшихся не только литературой, но и самой Таней, ее жизнелюбием и жизнерадостностью, ее энергией... В этом месте, где царила улыбка, вая хозяйка, ни разу не возникали ссоры и недоразумения, но всегда гостей ждал теплый прием, горячий чай и уютная атмосфера. Честно говоря, я не представляю, как можно прийти туда и не увидеть ее.

Я не знаю, представляют ли ее дети, что их мать оказалась дорога не только им, но и огромному количеству посторонних для семьи людей. Она ведь не звезда, не актриса или певица... Но у них есть повод не только любить ее, но и

гордиться ею, оставить этот сборник внукам и правнукам.

Мы не дружили с Таней тесно, скорее общались, но известие об ее уходе стало неожиданно для меня настолько тяжелым, словно это самый родной и близкий человек. И я не представляю, что тогда должны чувствовать близкие и родные, как справляться с такой болью. Единственный пришедший мне в голову выход — этот созидательный акт нашей любви.

Анна Аркатова

Если бы меня спросили...

Если бы меня спросили, знала ли я счастливого человека, я бы назвала Таню. Не понимаю, как ей это удавалось — светиться навстречу всему, приветствовать любое жизненное сальто, с энтузиазмом первокурсницы браться за все, что казалось ей нескучным (а такого и не было в ее радиусе) — танцы, переводы, немецкий, внуки и я ведь еще знаю далеко не все.

Наш скромный «Эссе-проект» Таня поддержала не просто с готовностью приютить и публиковать, а с желанием самой участвовать в нем. И по тому, как ответственно она за всем знакомым возлюбленным столом перебирала темы, какие незаурядные тексты читала, чувствовалось, как важны для нее любые отиски прошедшего, происходящего. А о будущем она, казалось, и не задумывалась — жизнь ведь так щедра...

— Тань, ты что такая радостная всегда? — А я с такими людьми познакомилась! Мне так понравилось, как они живут, — вот, списала слова!

Давайте и мы спишем, что помним, с нашей Тани, пусть память подольше пульсирует ее улыбкой, веснушками, красной курткой, не знаю чем... Таня...

Дмитрий Дмитриев

Страшная потеря...

Страшная потеря. Для родных, друзей, знакомых, для нашей литературы. Всегда приветлива, молода (да что там — юна!), импульсивна, но при всей своей легкости (порхала как бабочка) с невероятной самоотдачей, с фантастической преданностью, с муравьиной скрупулезностью делала Большое дело — Журнальный зал. Спасибо тебе, Танечка, за всё.

Андрей Грицман
и редакция журнала «ИНТЕРПОЭЗИЯ»

Случилось большое горе...

Случилось большое горе. Утром позвонил Бахыт и сказал: нету больше нашей Тани. Это правда, страшно говорить, но была НАША Таня. Она была нашим другом, советчиком, соратником, примирителем и внимательным партнером. Мы все знаем, что без Татьяны Тихоновой не было бы уникального явления в мировой литературе — Журнального зала. Во всяком случае, в такой великолепной, интересной, профессиональной форме.

Институт ЖЗ представляет многих блестящих, талантливых людей с идеями, но и с настроениями, с нормами и нравами, со своими проблемами. Татьяна сумела все это объединить и двигать вперед с удивительной энергией и чувством ответственности. За годы существования проекта она сумела дать жизнь и другим важным явлениям в нашей литературной жизни: Клуб ЖЗ, важнейшие архивы, авторские страницы.

С удивительным теплом и тактом Таня объединяла весьма далеких друг от друга персонажей современной литкарты России. Несколько лет назад начались прекрасные литературные вечера в Клубе ЖЗ, которые стали событием, а клуб стал одним из важнейших творческих центров Москвы.

Трудно себе представить, что больше нельзя поднять трубку в Москве, Нью-Йорке, в Иерусалиме или Кельне, услышать Танино: Але! — и сразу почувствовать тепло, пожаловаться на жизнь, получить ответы на вопросы и каждый раз встречные от нее: когда приедешь, организуем вечер, круглый стол, вам пора доводить такой-то проект до конца и т.п.

А самое главное, ужасно жалко хорошего друга и талантливого человека.

Светлый и жизнелюбивый человек...

Светлый и жизнелюбивый человек, Таня стала настоящей хозяйкой клуба «Журнального зала», с зелеными лампами, неизменными чаем и кофе и «всегда интересными» (ее выражение) вечерами и выступлениями. Она умела быть демократичной и отзывчивой, но при этом всегда обладала вкусом. Мало того, она организовывала запись и расшифровку текстов выступлений. Вся эта огромная «подшивка» вместе с фотографиями собрана в архиве сайта.

Как-то мы болтали о машинах, и она похвасталась: «А сейчас у меня машина с прозрачной крышей: облака, солнце, звезды — всё это у тебя над головой, всё видно».

Ее будет очень не хватать. Царствие Небесное.

Сергей Шестаков

Еще одна брешь в мире...

Любая утрата — еще одна брешь в мире. Любая потеря — горька, невосполнима и неизбежна.

Цвета жизни поблекли на несколько тонов: Таня Тихонова была светлым, солнечным человеком с лучистой улыбкой, жизнелюбом, каких немного. Столько сделано и столько задумано: вечера (десятками замечательных мы ей обязаны), проекты (множеству интересных и неожиданных мы удивлялись и радовались), переводы (две книги уже были ею переведены), встречи, поездки и путешествия, что не на одну жизнь хватило бы. Теперь ее нет. Все проходит, все разбивается, все остается — говорится в старой французской поговорке. Остаются память и благодарность, печаль и горечь, нежность и свет, лучик улыбки, навсегда впечатанный в сетчатку. Пусть земля будет ей пухом, а небо — домом.

Таня-Таня...

Таня-Таня...

В народном плаче припев такой: «На кого ж ты нас...» — вот и я скажу: на кого ж ты нас покинула? Как мы придем в Клуб Журнального зала, под сводчатый потолок, к зеленым лампам — без тебя? Кто ж нас так встретит, кто нам так обрадуется, кто нам заведет кофею? «А я специально для тебя молока купила!» — баловала ты меня. Привечала, помнила, кому что по вкусу, знакомила друг с другом — никто не оказывался чужим, всяк становился у тебя званым, желанным гостем.

Уж не говорю про сам «Журнальный зал» — ты год за годом читала уйму текстов, выбирала, размещала на сайте, рекомендовала — кто теперь вместо тебя? Будет кто-то, конечно, большие дела продолжают, приходят другие люди. Начатое тобой — продлится.

А ты... Как тебе все было интересно — всегда! Не было ничего для тебя скучного или досадного, только занятное и удивительное. Никогда не жаловалась ни на какие болезни, даже на головную боль. То ли это твоя родная Сибирь одарила тебя несокрушимым здоровьем, то ли характер был такой счастливый.

Кто еще был так жаден до жизни, так радостен в ней, как ты, Таня! Женщина-праздник, вечный фейерверк. Нет, неправильно говорю, не фейерверк: твой огонь был теплый и согревающий.

Ты бы прожила до ста пятидесяти, не сомневаюсь, все такая же улыбчивая и щедрая — ну, разумеется, смерть должна была на тебя охотиться вот так, на четырех колесах, в образе молодого раздолбая — иначе ей было бы тебя не достать.

Вадим Месяц

Сокращение дистанции...

С Таней Тихоновой я познакомился самым что ни на есть богемным образом. На концерте Псоя Короленко в «Апшу». Лет десять назад. Совсем в другую эпоху. Представил меня ей Бахыт Кенжеев. Тоже очень символично. С ним, Таней и моей женой Ласточкой мы отправились к нам домой в Малый Толмачевский — было недалеко. До третьих петухов пили шампанское и пели гусарские песни. Я не люблю шампанского и гусарских песен. Но это был особенный день.

На этом декадентская составляющая нашей дружбы заканчивается. Мы встречаемся на различных литературных тусовках, здороваемся как старые знакомые, но говорим в основном по делу. По какому-то условному делу, которое может объединить наши одинокие организационные усилия... Спорадически, от случая к случаю, находимся в поиске совместного проекта: ощущение, что можно что-то «замутить», есть, но сложение векторов не удается. Я пишу что-то в www.russ.ru, участвую в круглых столах «Русского клуба», читаю стихи на коллективных вечерах, организованных Таней. Среди ее близких друзей — множество моих близких друзей. Подвал в Гнездниковском ощущается как точка опоры или как «огонек, на который хочется зайти». И все-таки дистанция остается. «Русский Гулливер» и «Русский клуб» существуют в параллельных мирах, хотя, скорее всего, ими обоими движет одинаковая тревога за судьбу отечественной словесности. Это обманчивое ощущение прерывается, разом сходит на нет, когда я узнаю о смерти Татьяны Тихоновой, находясь за тысячи километров от России и Европы, «перепепощиваю» некрологи своих друзей, пытаюсь написать свой.

Я неожиданно начинаю понимать, что в моей жизни

произошло нечто существенное и непоправимое. Причем эмоция «жизнь прошла, как не было — не поговорили» не самая главная. Можно подумать, что мы живем ради красивых фраз или эффектных проектов. Нет, я потерял человека, которого мне будет не хватать. Доброго, обаятельного, счастливого. Нас объединял не столько интерес к литературе, сколько любовь к жизни. И это, как говорят, и есть момент истины. Рушатся перегородки, забываются формальности, стираются грани. Появляется возможность признаться Тане в бесконечной благодарности и любви. Что я сейчас и делаю.

Сергей Костырко

18 лет вместе...

С Татьяной Тихоновой мы проработали 18 лет. Все эти годы мы вели с ней сайт «Журнального зала». Вдвоем. Знакомство наше началось с разговора про будущий литературный проект в сети, который потом получил имя "Журнального зала", и разговор наш перед отъездом Тани в последнюю в ее жизни Италию был все о том же: что успела заверстать она, что буду ставить я, что будет по возвращению ставить она. И поскольку все эти годы «Журнальный зал» был главным делом в жизни Тани, то без истории этого проекта рассказывать о ней невозможно. История ЖЗ — это история ее жизни как раз в тот период, который сделал ее почти легендарной «Татьяной Тихоновой».

В 2006 году я написал для «Нового мира» текст «Magazines. russ.ru — к десятилетию “Журнального зала” в Интернете» («Новый мир», 2006, № 3), который мы с Таней вывесили в ЖЗ как историю нашего проекта. И чтобы не повторяться, я буду воспроизводить здесь некоторые куски из этого текста:

«Из истории: осенью 1995 года в отдел критики редакции «Нового мира» зашла программистка фирмы «Агама» Татьяна Тихонова с предложением «выставить что-нибудь интересное и при этом литературное» на их сайте в Интернете. /.../ Про Интернет я знал столько же, сколько знали тогда все. То есть ничего. Слово, входившее в моду и проиллюстрированное картинками из западных фильмов про продвинутую современную жизнь. /.../ И в следующий вечер Тихонова повезла меня в «Агаму», арендовавшую тогда помещение на первом этаже двухэтажного модульного офиса в Научном парке МГУ. Действительно, все как в кино: просторное помещение, новенькая офисная мебель, молодые лица, мониторы, клавиатуры и проч. Было начало девятого вечера, но в комнате ощущался разгар рабочего дня. Ну да, думал я, это тебе не

госучреждение, это новая порода молодых людей пробивается в непонятную тебе еще, новую жизнь, — и я почувствовал, что все это мне нравится. Молодой человек, не отрываясь, смотрит на черный экран с какими-то невнятными строчками, по которым ползает, меня конфигурацию, белый червь. «А это что такое?» — спросил я. «Индексация сайтов», — ответил молодой человек. «Апорт?» — как попугай, произнес я услышанное накануне от Тихоновой слово. «Да-да!» — удивился моей продвинутости программист и начал объяснять значение происходящего в данный момент на экране. Какие-то отдельные слова я понимал, но — не общий их смысл. И потому решил, что здесь лучше молчать. Меня представили тогдашнему руководителю «Агамы» Сергею Королеву, тот пожал мне руку, не отрывая взгляда от экрана, на котором какая-то полоска заполнялась кубиками: «Сейчас-сейчас, — сказал он, — вот только письма отправлю». Из чего я заключил, что вот эта штука на экране и есть таинственный «имей».

В тот же вечер Королев с Тихоновой устроили мне что-то вроде вступительного занятия: показали, как загружается сайт, объяснили, что это такое, перевели на русский компьютерные значения слов *enter*, *delete* и *insert*, дали подержаться за мышку и постучать по клавишам. Все оказалось не так безнадёжно.»

Вот отсюда, из этой среды молодых программистов, из тогдашнего клочкотания начинающейся сетевой жизни вошла в жизнь уже литературную Таня Тихонова. Она была профессиональным программистом с математическим образованием, работала в фирме «Агама», занимавшейся программным обеспечением. В частности, как раз в тот год «Агама» завершала работу над поисковой системой «Апорт», и перед тем, как выпускать ее в Интернет, программу нужно было обкатать на каком-то собственном полигоне. Поэтому у фирмы, которая занималась изготовлением программных продуктов, появилась необходимость создать и разместить в Интернете собственный многоуровневый информационно-культурный сайт. Таковым временным

полигоном должен был стать сайт «Русский клуб» у «Агамы». Уже готова была навигация и дизайн «Русского клуба», мне показали его на экране — многоэтажное здание с лифтом, на каждом этаже которого двери в еще пустующие, но уже готовые принимать различный материал залы. Мне предложили подумать о заполнении зала, предназначенного для современной литературы.

Идею «Русского клуба» разработал писатель Евгений Козловский, активно сотрудничавший тогда с «Агамой» и писавший для компьютерных изданий. Следующей задачей было — наполнение «Клуба» материалом. Сам Козловский контентом «Клуба» заниматься не стал, и в «Агаме» решили поручить это Татьяне Тихоновой, как, с одной стороны, профессиональному программисту, а с другой — человеку с разносторонними интересами и исключительной общительностью. И Таня тогда идеей этой загорелась. Она приступила к работе по наполнению «Русского клуба» с обустройства сразу нескольких залов: медицинского, антикварного, ювелирного, кино-зала. Ну, и — зала литературного. Сразу скажу, что от всего первоначального замысла в конце концов остался только «Журнальный зал».

Козловский дал Тане координаты своего литературного друга Николая Климонтовича. Они встретились. Климонтович рассказал Тане про работу нынешних издательств и про деятельность толстых литературных журналов; и, в свою очередь, продиктовал ей уже из своей записной книжки телефоны людей, которые могли бы заинтересоваться Таниным проектом. В числе этих телефонов оказался телефон Ирины Барметовой и мой. Вот так Таня и оказалась в редакциях журналов "Октябрь" и "Новый мир". Собственно с этого момента и началась наша совместная работа. Мы начали методично обзванивать главных редакторов с предложением об участии в этом проекте. Ездили по редакциям. Активно консультировала Таню Ирина Барметова. Редакторы толстых журналов отнеслись к нашим предложениям с настороженностью. Выставлять в бесплатное пользование

тексты, которые можно продавать на бумаге и тем худо-бедно (по тем временам, уже почти — худо), но поддерживать само существование журнала, многим казалось тогда самоубийством (собственно, это и до сих пор проблема). И здесь неожиданно большую роль сыграл Андрей Василевский, бывший тогда ответственным секретарем «Нового мира», — он с самого начала отнесся к идее ЖЗ с доверием и обеспечил мне согласие Залыгина на участие в проекте «Нового мира»; ну и, соответственно, участие «Нового мира» в проекте подтолкнуло многих редакторов на сотрудничество с нами. Ну, а некоторые редакторы, скажем, Ирина Прохорова особенно и не раздумывали — «Новое литературное обозрение» вошло в «Журнальный зал» одним из первых. «Журнальный зал» начал складываться.

И уже в январе 1996 года мы втроем (Барметова, Тихонова и я) обсуждали с Королевым составленное мною для дизайнеров и программистов «Агамы» техническое задание — проект-схему сайта с указанием, какие разделы будет содержать сайт, как строить навигацию, что вынести на титульную страницу сайта и т. д. Проект тот был, скажем так, немного дубоватый. Я ориентировался на структуру уже существующих сайтов. Но для начала был хорош и тот вариант. В основе его уже содержалась специфика будущего ЖЗ (При составлении этого проекта *«три обстоятельства показали мне принципиально важными и перспективными. Первым была почти девственная чистота русского Интернета в той его части, где могла быть представлена сегодняшняя (не завтрашняя и не вчерашняя, а именно — сегодняшняя) литература. Второе обстоятельство — это тогдашняя издательская ситуация, когда практически вся новая литература шла через журналы, новые издательства не хотели рисковать и не брали неведомые еще потенциальному покупателю тексты. И наконец, третье: большинство толстых журналов уже набирали для типографии свои тексты на собственных компьютерах. То есть подавляющее большинство новых журнальных текстов уже*

существовало в оцифрованном виде. Ну и, разумеется, — существование того, что мне показали: пустующий пока зал на картинке «Русского клуба у „Агамы”». Нужно было только связать все это вместе. Очень просто (так мне казалось тогда)». Именно поэтому предназначенный для литературы и пока пустовавший «зал» «Русского дома» стал залом «Журнальным».

Открылись мы для публики в марте 1996 года. Через неделю после начала работы сайта ЖЗ Королев поздравил нас с появлением в Интернете первой ссылки на ЖЗ, это была ссылка на рассказ Маканина «Пленный», с этого момента собственно и началась жизнь ЖЗ.

Но перспективы у сайта были достаточно туманные. «Агама» по-прежнему относилась к нему как к временному полигону для обкатки «Апорта» и каких-то долговременных планов работы с нами не строила. Мы оставались для них проектом периферийным, временным. И нужно было думать о том, как обеспечить сайту будущее. Вот тогда наши журнальные друзья свели меня с фондом Сороса. Весну 1996 года я ездил в московский офис фонда возле метро «Лермонтовская» как на работу, рассказывая и пересказывая идею сайта консультантам фонда, которые передавали меня другим, рангом выше. Кончилось это предложением написать официальную заявку на грант, поскольку консультанты пришли к выводу, что дело стоящее.

И это — как выяснилось, увы, только потом — был момент во многом решающий для нашего проекта. Но я сплывал. Мне был задан вопрос, от чьего имени поступит заявка на грант. И я, как человек по опыту жизни глубоко советский, и, к тому ж, еще не избавившийся от ощущения, что работа с ЖЗ для меня это что-то вроде экскурсии в сетевую жизнь, — я ответил: от фирмы «Агама». Вместо того, чтобы — как предлагала Ирина Барметова — создать коллективный орган от журналов, и заявку подавать от его имени; то есть — заявка должна была поступить от журналов, деятельность которых, по сути, и являлась содержанием

ЖЗ. Или, на худой конец, подать заявку от нашего с Таней имени, как непосредственных организаторов и ведущих ЖЗ. И тогда, возможно, нам удалось бы избежать тех сложных ситуаций, в которых ЖЗ оказывался периодически в первые годы своей работы. Но заявку по моей просьбе написал Сергей Королев, дорабатывавший тогда последние месяцы в «Агаме». И ЖЗ остался под полным контролем «Агамы». Одно было хорошо: изменился служебный статус Тани в «Агаме» — из программиста, в служебные обязанности которого входила работа с «Русским клубом» как одна из ее обязанностей, она официально стала руководителем этого проекта и получила возможность полностью сосредоточиться на этой работе. Таня осваивала специфику верстки журналов. Большинство редакций дискеты с номерами журналов приносили мне в «Новый мир», и я передавал их Тане. Но работа верстальщика требует еще и прямых контактов, и постепенно я связывал Таню с редакциями для работы напрямую, без моего посредничества; ну а с некоторыми редакциями, скажем, «Знамени» или «Октября», рабочие контакты у Тани установились в самом начале нашей работы. То есть к работе верстальщика прибавлялась у Тани работа организационная. И я вмешивался в эту работу, только когда возникали какие-то проблемы.

У нас естественным образом установилось разделение обязанностей: на Тане — вся техническая сторона проекта и рабочие контакты с журналами, на мне — вопросы содержания сайта, то есть вся культурная его инфраструктура. И вроде все как бы определилось и изнутри, и снаружи. Но спокойной жизнью мы наслаждались недолго. Из «Агамы» ушел Королев, обеспечивавший нам полную свободу действий, и новое руководство решило немного порулить «Журнальным залом». Мне было предложено переструктурировать сайт, в частности, в корне изменить принципы подачи материалов: размещать на сайте тексты не по журналам, а по жанрам, то есть отдельно — романы, отдельно — повести, статьи, стихотворения и т. д. Ну, а уже там,

под текстом, можно в скобках указать, в каком журнале он опубликован. Аргументом у нового руководства «Агамы» было: «так принято у нас в Интернете», то есть как в армии: «положено так» и — все. Объяснить, что журнальный номер — это не механическое собрание разных текстов, но еще и единый текст, мы представляем на сайте еще и эту — журнальную культуру, оказалось невозможным. И началось мое противостояние с «Агамой», победа в котором оказалось возможной только благодаря Тане. Я объяснил ей, почему вот это, как чисто формальное изменение структуры сайта убивает саму идею «Журнального зала», и Таня, которая в проекте изначально была «человеком сети», соблюдавшим интересы «Агамы», в отличие от меня как «человека от журналов», заняла позицию «человека журналов». Пользуясь давними отношения с коллегами, она на какое-то время смогла погасить это напряжение, ну а я, оказавшись в положении почти безвыходном (формально ЖЗ был проектом и собственностью «Агамы» и перенести уже выставленное на другой сайт мы не имели права; плюс мучило ощущение стыда перед коллегами из журналов, которых я несколько месяцев уговаривал принять участие в проекте), — просто тупо упирался, оттягивая под разными предложениями коренную переделку сайта. Та первая кризисная ситуация с ЖЗ разрешилась сама собой — во-первых, у «Агамы» кончились деньги, отпущенные для сайта фондом Сороса, ну а во-вторых, работа с «Апортом» подходила к концу, и давление на нас сразу же ослабло.

А через какое-то время (в начале 1998 года) нас поставили в известность, что «Журнальный зал» «Агама» продала сайту «ИнфоАрт». Вот тогда впервые мы с Таней почувствовали себя крепостными, которых продают вместе с землей — не только о том, куда и кому нас собираются продать, но даже о том, что нас продают, мы не знали ничего. Ситуация для нас была достаточно тревожной, мы не знали, на каких условиях нас берет сайт «ИнфоАрта». Но, скажу сразу, на новом месте нас приняли доброжелательно — ЖЗ

уже заработал какую-то репутацию в сети, и с этой репутацией в «ИнфоАрте» считались. Новую схему сайта и навигацию для программистов «ИнфоАрта» я написал, уже имея опыт работы на «Агаме», да и программисты «ИнфоАрта» оказались людьми достаточно интеллигентными — дизайн их оказался более удобным. После небольшого перерыва мы снова вышли в сеть уже как проект «ИнфоАрта», за несколько месяцев восстановили посещаемость и даже начали приращивать ее непривычными для нас темпами. Круг моей работы практически не изменился, в отличие от Тани, пред которой встало, естественно, множество новых проблем, связанных с освоением технической оснастки сервера «ИнфоАрта», верстки на новом движке, приспособлению к нему требований нашей журнальной верстки и т. д. И вот тогда я в полной мере смог оценить некоторые черты Таниного характера — она была женщиной из глубоко уважаемой мной породы: получивших сугубо техническое, то есть по распространенным представлениям чисто мужское образование, которое, на самом деле, отнюдь не убивает женственность, а напротив, оттеняет ее, воспитывая а) самостоятельность, б) хладнокровие при столкновении с трудностями (то есть не тратя сил на стенания), в) мужество, деловитость и расчет. Менялось компьютерное «железо», менялись программы, и Таня методично осваивала их. Вряд ли кто-то из наших читателей заметил какие-либо сбои в работе «Журнального зала» на новом месте, то есть все сделалось как бы само собой. Но вот это «само собой» была заслугой, прежде всего, Тани.

На какое-то время (чуть больше года) работа наша снова вошла в нормальное русло. Но, недолго музыка играла, начались проблемы уже у меня — в работу ЖЗ начало вмешиваться руководство «ИнфоАрта», сначала по мелочам, а потом — мне предложено выставлять в ЖЗ вместе с журнальными текстами литературные опыты близких друзей руководства «ИнфоАрта», и упереться, как на «Агаме», мы уже не могли. Пришлось придумывать раздел

«Литературная почта», а в противовес этому разделу (чтобы уж культурная начинка, идущая не от журналов, а от самого ЖЗ, не выглядела совсем уж позорной) открывать на ЖЗ свой собственный журнал «Кронос» — сетевой журнал актуальной эссеистики, и привлекать к сотрудничеству ведущих тогдашних эссеистов. Объем нашей, то есть, разумеется, и Таниной, работы рос постоянно.

Единственная пауза в Таниной работе с ЖЗ относится как раз к этому времени — в конце лета 1999 года она уехала в США на несколько месяцев. Верстка новых журналов затруднилась, но — шла, благодаря помощи сыновей Тани. Кроме личных мотивов поездки в Штаты был у Тани еще и план обустроить там свой журнальный проект с привлечением русскоязычных изданий США. Проект этот так и не был реализован, зато Таня установила тесные связи с русской литературной диаспорой США, что потом сказалось в работе ЖЗ.

В 2000 году воспроизвелась уже знакомая нам ситуация — неожиданно для себя мы стали сотрудниками сайта «Голден Телеком», закупившему «ИнфоАрт» на корню и переделавшему его в «Россия-он-лайн». Ну, а руководством нашим стали молоденькие барышни, выпускницы журфаков, не слишком образованные, но амбициозные и чуть ошалевшие от открывающихся возможностей («ИнфоАрт» к моменту продажи представлял собой один из ведущих информационно-культурных ресурсов русского Интернета с огромной аудиторией и влиянием). Барышни эти объяснили нам, что теперь сайт этот будет работать для «молодой России», то есть основными темами станут: музыка (рэп, рок и т. д.), мода, спорт, эротика и прочая услада тинейджера. Они дали нам поработать несколько месяцев, а потом объявили, что мы с Таней свободны, что сайт наш слишком высоколобый для их аудитории, и они не видят для него перспектив на своем ресурсе.

То есть, по сути, нас просто закрыли. Мы с Таней оказались на улице. (Замечу, что и сама «Россия-он-лайн»

просуществовала в сети не слишком долго — новые менеджеры смогли развалить до конца все, что наработал «Инфо-Арт», то есть, называя вещи своими именами, пустили могучий ресурс по ветру).

Лето 2001 года мы провели с Таней в переговорах с самыми разными интернет-компаниями о возможности размещения контента на их серверах, и в принципе были варианты как бы вроде и неплохие, но стояла пора летних отпусков — нас просили подождать с окончательным решением по причине отсутствия то юриста, то главного бухгалтера и т. д. Я-то ждать мог. Я работал в «Новом мире». А вот Таня оказалась просто безработной. И вот тут поступило предложение от «Русского журнала» перейти к ним. После недолгих консультаций с главными редакторами журналов мы решили, что от добра добра не ищут, что аудитория «Русского журнала» была во многом и нашей аудиторией, и дали согласие. И получили, наконец, свой дом — в РЖ нам уже не нужно было объяснять на пальцах, чем мы занимаемся, в чем специфика нашего проекта. А написанный для нас в 2001 году дизайн оказался настолько впору, и даже как бы навыворот, что потребности что-то менять в нем нет до сих пор. И опять повторилась прежняя ситуация, когда тяжесть технической переориентации снова легла на Таню. И снова сложности эти никак не сказались на работе ЖЗ.

Так подробно, с возможно излишними деталями, описываю я всю эту как бы сугубо специальную (технологическую) историю проекта для того, чтобы представить читателю ту сторону жизни Татьяны Тихоновой, которая скрыта от публики. Таню знают в литературном мире больше как ведущую литературных вечеров в Клубе «Журнального зала». И только. Мне кажется это несправедливым. Мне кажется, что вот эта скрытая от посторонних сторона жизни и работы Тихоновой в ЖЗ, на мой взгляд, должна быть известна. Чтoб было понятно утверждение, что во многом судьба и само существование проекта «Журнального зала» зависело от Таниной работы. От ее упорства, компетентности, увлеченности.

Ну, а про Клуб ЖЗ я много говорить здесь не буду. Об этом напишут другие. Эта часть жизни Тани была на виду у всех.

Скажу только, что когда несколько лет назад руководство РЖ предложили нам вести еще литературные вечера при «Журнальном зале», идея эта энтузиазма у меня не вызвала. Слишком много работы было в ЖЗ, и нас двоих уже просто не хватало. Бесперебойным было только выставление новых журнальных номеров. Журналы в основном верстала Таня. Я верстал разделы постоянно расширяющейся и требующей обновлений культурной инфраструктуры ЖЗ, но в какой-то момент пришлось и мне переходить на верстку журналов. Так что — не до вечеров. И был порыв отказаться. Но Таня вдруг загорелась. Таня любила литературную среду. Любила атмосферу литературных фестивалей, на которые ездила. Она сказала, что готова взять на себя основную работу по ведению вечеров. Ну и замечательно. Отказываться мы не стали. Только я, например, знал, что рулить чередой авторских вечеров, презентаций — это трудно. Очень трудно. А Таня не знала, и именно поэтому, как я считаю, — у нее получилось все. За относительно короткое время она сделала Клуб ЖЗ такой же востребованной презентационной площадкой, как «Классики XXI века» в Чеховской библиотеке, ОГИ и Булгаковский центр.

Таня, на мой взгляд, была как раз тем человеком, про которого говорят: он сделал сам себя. Ни среда, в которой она росла, ни образование вроде как не предполагали вот такого будущего. Школу она заканчивала в военном городке под Иркутском, образование получила сугубо техническое, и что касается изящных искусств, то единственное, в чем она действительно хорошо разбиралась к моменту нашего знакомства — это была бардовская песня. Но она была человеком живым, с разносторонними интересами, и, главное, человеком, который не боялся меняться. Начав работу с литературным материалом как верстальщик, она не ограничилась интересом к нему сугубо верстальным.

Заводя знакомства в литературной среде, Таня вникала и в суть того, что делали ее новые партнеры. И в первые годы нашей работы я выполнял также функции литературного консультанта — Тане было важно знать, не только, в каком формате верстать тот или иной текст, но чей он, и — шире — кто есть кто в современной литературе. Она вообще умела учиться, и была человеком, повторяю, на редкость целеустремленным. И она смогла, в конце концов, стать своей в московской литературной среде. Тем, кто знал Таню в последние годы, как ведущую Клуба ЖЗ, как обязательного участника литературных фестивалей и презентаций, трудно представить, что в 1996 году ей надо было специально объяснять, почему, скажем, журнал «Кройка и шитье», с редакцией которого она собиралась связываться на предмет вступления в ЖЗ, будет выглядеть у нас крайне неуместным. Но именно так и было. Иными словами, путь она прошла огромный. И загадочным, необъяснимым этот путь может показаться только тем, кто наблюдал Таню издали. Для тех, кто знал Таню близко, ничего невероятного здесь нет. Вот характерный для нее эпизод: закончив школу в глубокой провинции (правда, здесь нужно сказать, что ей повезло с квалифицированностью и требовательностью учителей), Таня поехала в Москву поступать в ВУЗ, и выбрала МГУ, а в самом МГУ в списке факультетов обнаружила Факультет вычислительной математики и кибернетики и спросила: «А это что за факультет?» — «Ну, девушка, — ответили ей, — это у нас, можно сказать, «самый-самый». Факультет для особо продвинутых». И сказано это было в интонации — «вот уж этот факультет точно не для вас». И возможно еще и из-за вот этой интонации Таня подала документы именно на этот факультет. И — поступила. Так же было и в ЖЗ, в трудные моменты — никаких стенаний, никакой паники; она просто упиралась и, в конце концов, — делала. Или, скажем, она любила путешествовать, и благодаря контактам в ЖЗ, а потом и работе с Клубом ЖЗ, постоянно расширяла не только свой литературный кругозор, но, так сказать — и

географический. Естественно, возникали проблемы с языком. Но для Тани это оказалось проблемой временной — я привык, что когда Таня куда-то подвозила меня на своей машине, в салоне постоянно как фон раздавалось бормотание по-английски — в магнитофоне ее всегда была вставлена кассета с уроками. И Таня, в конце концов, не только научилась читать вывески и говорить с продавцами за границей — в прошлом году в издательстве «КоЛибри» вышла книга Артура Миллера об астрофизике, нобелевском лауреате Субрахманьяне Чандрасекаре, в выходных данных которой значится: «перевод с английского Татьяны Тихоновой!» (Артур Миллер. Империя звезд, или Белые карлики и черные дыры. М., «КоЛибри», «Азбука-Аттикус», 2012).

И такой Таня была во всем.

...24 сентября в Клубе «Журнального зала» было открытие сезона. После прошедшего лета московские поэты, друзья Клуба собрались почитать друг другу стихи. После чтения перешли к столу с чаем и кофе, разлили принесенную водку по рюмкам и выпили, не чокаясь, в память Тани. Потом, как обычно — чай, литературные разговоры, и народ начал расходиться. Остались мы с Геннадием Калашниковым — нужно было расставить стулья, убрать посуду, выключить перед уходом свет, и я по многолетней привычке повернул голову, чтобы сказать: «Ну а ты, Тань тоже иди. Мы с Геной сами все уберем». Но Тани не было.

...И здесь теперь пусто...

Больше всего она любила путешествия, машины и свой дом в деревне. Погибла под колесами автомобиля, в Италии, и упокоилась на старом сельском кладбище. Вот такая горькая усмешка судьбы, от которой, как известно, никуда не уйдешь.

Десять лет назад Таня приехала к нам в гости в деревню Устье Тверской области, заболела этим колдовским местом и построила дом. Ее энергия, которой мы все восхищались, воплотившаяся в Журнальном зале и его клубе, там, на природе, конечно же, никуда не делась. Самый ухоженный газон был у Тани, а главное — множество планов: где что вырубить, где что посадить, где что построить. Со своей неумемной любознательностью она отовсюду привозила главное — идеи. И сад, и дом, который так любили Танины замечательные внуки, непрерывно совершенствовался. А баня... А грибы... Пусто стало у нас без Тани.

Банально, но что делать, если это чистая правда: Таня умела добиваться своих целей. Она не плыла по течению, она точно знала маршрут. Когда-то она рассказала мне историю своего поступления в Московский университет. Абсолютно «Танина» история. Она, дочь летчика, училась в школе в военном городке в Сибири. И была там девочка, на пару классов старше — Таня Тихонова — отличница и вечный укор нерадивым. И совершила она небывалое: поступила аж в Иркутский пединститут. Шпыняли и нашу Таню, тогда еще вовсе не Тихонову, этим положительным примером. Ответ был достойным: Таня поехала в Москву и поступила в МГУ. Дальше — опять судьба, вышла замуж, стала Тихоновой, и эту фамилию носят ее прекрасные сыновья.

А когда случился в жизни неожиданный вираж, Таня сумела не просто стать своей в литературном мире — стать его

частью. И здесь теперь пусто...

Невозможно понять, невозможно привыкнуть. Она, как мы все, боялась старости, неизбежных болезней. И осталась молодой. Это слабое утешение, но, значит, таков был маршрут.

Я думаю, что Таня прожила счастливую жизнь, нет, уверена в этом. Ее многие любили, многим ее теперь не хватает. И в Москве, и в нашем Устье.

Все слова теперь кажутся пафосными и неуместными, потому что мы пока здесь, а Танюша под старыми деревьями скромного деревенского кладбища. Она как-то сказала, что хотела бы там лежать, но тогда это звучало чем-то далеким и нереальным. Что мы знаем о своем будущем... Главное — мы ее помним...

Сейчас точно и не припомню...

Сейчас точно и не припомню, как и откуда она появилась. Как обычно мы с Леной Бахновым брели с очередного литературного вечера, и почему-то она оказалась нашей попутчицей, шла вместе с нами и оживленно говорила. Сколько я ее помню, она всегда говорила оживленно, жизнерадостно, как бы и сама немного удивляясь тому, о чем говорит, и в то же время мягко, но упорно приглашая собеседника разделить ее энтузиазм, располагая его к такому же открытому общению. И, как правило, ей это удавалось.

А тогда весь этот дружелюбный напор обрушился на нас впервые, и мы помалкивали, недоверчиво поглядывая на идущую рядом высокую, красивую женщину в длинной меховой шубе. Недоверчиво, потому что говорила она на наш взгляд совершенно невозможные вещи. Конечно, мы уже кое-что слышали про интернет, но смутно представляли себе его возможности, ведь шел тогда 1995 год, и я сомневаюсь, что в то время у нас на столе мерцали компьютеры. Пишущие машинки — это пожалуйста, под их стрекот уже давно текла наша жизнь. А тут — какая-то неведомая виртуальная реальность, возможность мгновенного письменного общения, размещение любых текстов, объединение всех литературных журналов под одной, опять же виртуальной, крышей и прочие чудеса...

Мы слушали и понимали, что наш друг Серега Костырко, давно носившийся со всякими «компьютерными» идеями, похоже, нашел себе вполне реального помощника, человека, который «сечет» в этом деле, и они уже всерьез работают вместе с вот этой непонятной Таней Тихоновой над созданием того, что позже стало «Журнальным залом».

Очнувшись от захватывающих дух электронных перспектив, мы вдруг поняли, что бредем где-то в

Замоскворечье, горят желтые фонари, падает мелкий блестящий снег, и вообще, было бы неплохо продолжить фуршет, которым закончился нынешний литературный вечер. Наша статная спутница не стала жеманиться, отнеслась к этой вполне земной идее с одобрительным пониманием, и вскоре мы стояли в каком-то замоскворецком дворике, пили вино и продолжали наши разговоры, которые становились все оживленнее и оживленнее. Виртуальная реальность все ближе придвигалась к нам и была уже гораздо понятней и выглядела не столь уж и фантастично.

Вот так я и запомнил наше знакомство, под мелким блестящим снегом, который неумоимо и неумолимо, вкрадчиво и тихо заносил нас, так что вскоре шуба Тани стала походить на серебристый сугроб...

И потом, спустя какое-то совсем небольшое время, мы убедились, что виртуальные чудеса — реальны, все это и вправду вполне осуществимо, и, более того, осуществляется прямо на наших глазах. Неожиданно стали доступны все интересные журналы, как новые, так и за прошлые годы. Представляю, сколько антресолей и книжных шкафов освободилось от многолетних подшивок, хотя сам я долго не решался освободиться от многого и на всякий случай перевез пачки журналов на дачу.

Убедились мы и в том, какой Таня замечательный — точный и обязательный — работник, какой верный друг, как внимательно и адекватно реагирует на любые просьбы и пожелания. Какой она прекрасный собеседник — живой, умеющий слушать и понимать тебя, да и самой ей всегда было что сказать. Она постоянно находилась в гуще литературных событий и сама умела порождать их. Чего стоит одна только знаменитая гостиная «Журнального зала». Таня была связующим звеном многих людей, литературных групп, настоящим современным организатором литературы. И делала это, как и все остальное — профессионально. Помню, что именно в ее руках я впервые увидел диковинный по тем временам цифровой фотоаппарат — и не удивился, а у кого

же еще могла быть такая «продвинутая» вещь?

А еще, к моему удивлению, я обнаружил, какая она рачительная и гостеприимная хозяйка. Все в ее доме в Тверской области было устроено надежно и прочно, на всем лежал отпечаток ее вкуса, ее личности. Помню, как мы смеялись, когда я, совершенно ошеломленный, фотографировал ее лакированный «дачный туалет» и еще долго потом демонстрировал снимок этого шедевра знакомым. Ей удивительно «шла» та местность — с быстрой Волгой, с пологими холмами и густыми перелесками — синеглазая, русая, высокая, она смотрелась там настоящей красавицей, выросшей в этих привольных краях.

Кстати, Таня прекрасно и с азартом плавала, и несколько лет подряд мы с ней сталкивались на дорожках бассейна «Чайка» и даже вступали в шуточные состязания. А потом она подвозила меня куда-нибудь на своей машине, которую водила с небрежной уверенностью, а из динамиков доносились то уроки английского языка, то какая-нибудь литературная новинка. Она была очень занятым человеком и не любила тратить время впустую.

Много чего было потом — совместные поездки, душевные посиделки, совершенно неповторимые вечера в гостиной «Журнального зала». Всегда буду благодарен ей за энергичную организацию моего вечера в том самом подвальчике, который вскоре стал родным домом для всей нашей пишущей братии. Спускаешься по крутой узкой лестнице вниз и сразу же слышишь, а спустя миг и видишь Таню, искренне радующуюся каждому пришедшему гостю. Мы все без исключения были ее любимцами, единственными и неповторимыми. Горжусь, что она выбрала меня в качестве «своего поэта» на вечере кураторов литературных площадок.

В общем, жизнь шла и была непредставима без деятельного участия в ней Тани. Ведь именно она была двигателем, источником энергии многих, как теперь говорят проектов. И вот...

Возвращаюсь в тот далекий вечер начала давней теперь зимы. Вино было допито, все вроде бы было переговорено, и мы с Леной медленно пошли в позднее метро. А Таня... Ее все же занес этот мелкий, беспощадный, блестящий, холодный снег...

В прошедшем времени...

Я познакомился с Таней Тихоновой почти полтора десятка лет назад и менее всего думал, что мне когда-нибудь придется писать о ней в прошедшем времени. Она всегда виделась мне воплощением жизни, молодой энергии, оптимизма, устремления вперед.

Знакомство произошло в Петербурге, на мощной конференции, посвященной 200-летию пушкинскому юбилею, и потом продолжалось в разных городах, весях и полушариях, в различной форме, и всегда Таня что-то придумывала, создавала, изучала, приобретала. Для меня она стала чуть ли не символом новой России, вдруг проснувшейся к осмысленной деятельной жизни. Она была всегда в курсе происходящего и на одной волне с ним, и потому то, что она предпринимала, как правило, удавалось и пускало корни. Будь то Журнальный зал, выращивание детей и внуков, дом и участок в Подмосковье, мой вебсайт, страстное вождение все новых иномарок, изучение английского, а затем немецкого языка, перевод с них, интеллектуальный клуб при ЖЗ и поездки, поездки, поездки по открывшемуся зарубежью — Европе, Штатам, далее везде.

У нас оказались общие приятели, в том числе покойный Лёня, для меня в далеком детстве Лёка, Эрдман. Ее знакомые обычно означали целую дружескую среду — туристскую, дачную, байдарочную, горнолыжную. Таня была необычайно контактна, дружелюбна, конструктивна, компромиссна. Это помогало ей в жизни и в работе. Даже я, как я ни склонен размежевываться и конфликтовать, с ней не сумел поссориться ни разу. Дух здорового делового компромисса был еще одной ее чертой как новой — позволю себе употребить в хорошем смысле это скомпрометированное выражение — русской. Помню, как одна моя давняя

знакомая, эмигрантка с давних пор живущая за границей, в Штатах и в Германии, с которой Таня очень подружилась, вскоре после знакомства с удивлением спросила ее:

— Так почему же Вы там, а не здесь?

Но Таня была замечательно на месте и там, и здесь. Перестройка и все последующее были как бы специально созданы для нее, а она для них.

Еще одной гранью ее многосторонности было неожиданное и счастливое — счастливое для нее и для нас, окружающих, — найденное ею совмещение своей математической подготовки и любви к литературе. Она стала одним из ведущих лиц новой онлайн-культуры. Для меня это обернулось созданием личного вебсайта (на сервере моего University of Southern California). Тогда это был новаторский прорыв, да и сейчас сайт остается ценным, а для меня совершенно необходимым научно-информационным инструментом.

Таня ввела меня, безнадежного гуманитария, хотя и со структурно-лингвистическим прошлым, в электронный мир. Иногда я заходил в тупик, озадаченно спрашивал, как может быть, что вот то-то и то-то никак не получается, не открывается, не работает, какая же это к черту кибернетическая точность, на что она однажды ответила незабываемым афоризмом:

— Да нет, компьютеры — это не что-то какое-то там идеально-научное, это такая же жизнь, со всеми ее сложностями. Сейчас посмотрим, отладим, законнектимся.

Может быть, это рабочее словечко 90-х было ее главным экзистенциальным кредо. Она умела законнектиться с журналами, сайтами, автосервисами, подрядчиками, туроператорами, начальниками, подчиненными, инженерами, писателями, врачами, you name it.

То, что ее сияющего лица мы больше не увидим, ее жизнерадостного голоса не услышим, повидаться с ней не сможем и помощи от нее не получим, — огромная потеря для всех, кто знал ее. Огромная, страшная, обидная. Таня

погибла в расцвете сил, на пике профессионального и жизненного успеха. Что тут скажешь? Прозой не стоит и пытаться, а стихи такие есть:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
 Не говори с тоской: их нет;
 Но с благодарностью: были.

Санта Моника
14 октября 2013 г.

Владимир Губайловский

One way ticket...

С Таней мы познакомились в самом начале 2000-х в «Русском журнале». Поскольку мы оба почти в одно и то же время учились в МГУ на родственных факультетах: я на мехмате, Таня — на ВМК, поняли друг друга с полуслова. Тема разговора была тонизирующая: мы весело обсуждали компьютерную неграмотность наших знакомых литераторов. Тогда Интернет еще представлялся довольно экзотическим явлением. В нем прозревали что-то почти волшебное, какой-то новый мир, богатый и неисчислимый. Мы-то довольно хорошо понимали, что ничего сверхъестественного в нем нет, потому что знали, как это работает — все эти пакеты, протоколы и прочая начинка.

Но все менялось очень быстро. И грамотность росла, и Интернет из экзотики стал привычным и необходимым, как хлеб.

Танечка верстала «Журнальный зал», иногда жаловалась на жизнь, но при ее бьющей через край энергии жалобы выглядели неубедительно, а улыбка — естественно.

Таня была из того поколения технической интеллигенции, которое бескорыстно любило литературу. Но эта интеллигенция литературу быстро забыла, как только стало доступным что-то более легкое — нормальное кино, например. Более молодое поколение выбирало компьютерные игры, и читатель редел, как зубр.

Таня осталась читателем. Не помню, чтобы она что-то сочиняла, хотя и переводила с английского научно-популярные книжки.

Таня, конечно, очень хорошо знала литературную публику, но как-то привязалась к ней и сама стала центром притяжения.

Танечке всегда хотелось встряхнуть вялотекущую действительность. Иногда удавалось. И ей это нравилось. Она

видела процесс изнутри, но глазами не участника, а свидетеля. Пожалуй, такой человек был всего один. Что ей открывалось с такой уникальной позиции, она рассказать не успела.

Таня не была легким человеком, но она была способна на полет. Однажды она поглядела на мою хмурую физиономию и, смеясь, объяснила, как бороться с депрессией: «Мне было плохо, но я уехала в Лось и влюбилась без памяти. А когда вернулась, мир изменился».

Мне хочется думать, что Танечка опять уехала в Лос-Анджелес и влюбилась, и решила бросить всю эту нашу литературу и жизнь и больше не возвращаться. И правильно. И пусть ей будет там хорошо.

Так немножко легче.

Евгений Степанов

Таня

Татьяна Тихонова была моим близким другом. Мы много общались, ездили друг к другу в гости. Говорили на всевозможные темы — в основном на литературные. Она читала все мои книги и дневниковые записи, которые печатались (и печатаются) в журнале «Дети Ра». Всегда точно — иногда радостно, иногда очень едко! — их комментировала.

Она была замечательным менеджером «Журнального зала», любила литературу нежно и даже жертвенно.

Однажды я сделал с Таней интервью, которое потом вышло в журнале «Дети Ра» и в одной из моих книг.

Я думаю, имеет смысл напомнить о нем нашим читателям.

Татьяна Тихонова: «Цензуры в “Журнальном зале” нет!»

Татьяна Тихонова не писатель и не публицист, но, тем не менее, знаковая фигура современного литературного процесса. Она менеджер крупнейшего интернет-портала «Журнальный зал», который объединяет ведущие литературные журналы России и русского зарубежья.

— Татьяна, когда и как возник «Журнальный зал»?

— «Журнальный зал» открылся в марте 1996 года, то есть более десяти лет назад. В то время не только главные редакторы «толстых» литературных журналов, но вообще мало кто представлял, что Интернет может быть русским... Интернет только-только начинал завоевывать отечественное пространство. И когда компания «Агама» начала создание русскоязычного поиска «Апорт», ей понадобилось большое количество текстов для обкатки нового проекта. Конечно, можно было взять со старых магнитофонных лент тексты

Стругацких или библиотеки анекдотов, но амбициозная фирма решила следующим образом: если уж что-то создавать, то создавать грандиозное. Поэтому так понравилась всем идея менеджера «Агамы» Евгения Козловского сделать многоуровневый информационно-культурный сайт «Русский клуб». Реализацией этого абсолютно фантастического в то время проекта я и занялась. Для заполнения страниц, названных Козловским «Журнальным залом», я обратилась к сотруднику «Нового мира» Сергею Костырко; и, вместо того, чтобы, вежливо извинившись, отмахнуться от непонятного по тем временам «бумажному литератору» предложения, он согласился поехать на фирму и посмотреть, что это такое — Интернет, а затем сделал разработку проекта «ЖЗ». В основе его концепции было представление современной «толстожурнальной» литературы, составлявшей тогда основной поток новейшей русской словесности. Концепция проекта обсуждалась и выверялась вначале с руководителем «Агамы» Сергеем Королёвым, представителем «Октября» Ириной Барметовой и мною, как будущим «реализатором» проекта, а затем, весной 1996 года, проект «ЖЗ» был предложен на рассмотрение приглашенным в «Агаму» редакторам некоторых ведущих «толстых» журналов — «Знамени», «Октября», «Дружбы народов», «Новой Юности», «Иностранной литературы», «Нового литературного обозрения», «Вопросов литературы» и др. На том собрании и определился основной состав «ЖЗ», и тогда же, в марте 1996 года, «ЖЗ» появился в Интернете. Литературным куратором «ЖЗ» был и остается Сергей Костырко. А я на протяжении 11 лет являюсь менеджером проекта.

— По какому принципу вы отбираете журналы для «ЖЗ»?

— «ЖЗ» — не сетевая библиотека, в «ЖЗ» представлены русскоязычные «толстые» литературные журналы, выходящие и в России, и за рубежом. «ЖЗ» не включает узкоспециализированные журналы, а также журналы с низким художественным уровнем. И, конечно, в «ЖЗ» не будет журналов, пропагандирующих религиозную, расовую и

национальную нетерпимость, а также войну и насилие, то есть то, что запрещено Конституцией Российской Федерации. Вопросы приема в «ЖЗ» новых членов решаются Советом «Журнального зала», в который входят представители журналов «Арион», «Дружба народов», «Знамя», «Иностранная литература», «НЛО», «Новая Юность», «Новый мир», «Октябрь», литературный куратор «ЖЗ» Сергей Костырко и я. Подробно правила приема представлены на нашем сайте <http://magazines.russ.ru>.

— Не считаете ли вы полезным представлять больше региональных литературных изданий?

— Безусловно, это важно. И я очень рада, что в «Журнальном зале» в этом году появился новосибирский журнал «Сибирские огни» — он прошел через наше строгое жюри.

— Сохраняете ли вы за собой право не разместить то или иное произведение в «ЖЗ» (например, с элементами обценной лексики), даже если оно уже напечатано в журнале?

— Цензуры в «Журнальном зале» нет. Материалы любого журнала, размещенного в «ЖЗ», — это только выбор редакции данного издания. При приеме новых членов мы избегаем изданий, художественный уровень которых резко отличается от уже выставленных в «ЖЗ», и поэтому вопрос об обценной лексике не возникает. Я очень благодарна редакциям журналов за понимание моих проблем и ограниченных возможностей (а они иногда возникают при представлении материалов в Интернете). Все эти 11 лет сотрудничества мы всегда находили приемлемые решения для обеих сторон.

— Будет ли расширяться «ЖЗ»?

— Да, конечно. Проходит время, появляются новые интеллектуальные журналы гуманитарной направленности — и Совет снова и снова рассматривает заявки на вступление в «Журнальный Зал».

— Вы ощущаете себя хозяйкой русской литературы?

— Конечно, нет. Может ли быть у русской литературы хозяин!

2007
Москва

Алиса Поникаровская

Маленький подвальчик...

Маленький подвальчик в центре большого, суетливого города. Арочная книжная комната-шкатулка, без окон и дверей, застывшая в тишине, как будто нет за ее стенами шумного, хриплого дыхания столичного мегаполиса. Комната как будто застыла в сладкой дрёме, в ожидании вечера и... чуда.

И вот на лестнице звучат первые шаги, легкая рука включает неяркий свет, внутри шкатулки возникает легкий, быстрый, летящий силуэт.

С появлением этого силуэта комната начинает медленно оживать. Меняются местами книги, сдвигаются стулья и скамейки, опускается белый экран над импровизированной сценой. По мановению тонких пальцев закипает чайник, на подносах возникают аппетитные бутерброды, вкусно и домашнему пахнет кофе и немного чем-то пьянящим, похоже, стихами и вином...

Ничего еще не началось, хозяйка комнаты-шкатулки встает за барную стойку и обводит взглядом свои владения. Она улыбается, и от ее улыбки словно зажигаются оставшиеся лампочки, вспыхивают свечи, которых здесь нет, начинают в предвкушении скорого чуда приплясывать тени на стенах...

А потом раздается резкий голос звонка, щелкает замок на входной двери, и комната наполняется приветствиями, поцелуями, счастливым смехом, запахом улицы и сигарет.

Хозяйка комнаты-шкатулки присутствует везде и нигде одновременно. Скользит от одного гостя к другому, смеется, чокается бокалом с вином, расспрашивает, рассказывает и улыбается, улыбается...

Гости занимают стулья, садятся на скамейки, общий гул потихоньку замолкает, и начинается самое главное таинство вечера — слова... Слова сплетаются в причудливые

фразы, фразы вырастают в предложения, которые иногда рифмуются, иногда нет, но в каждом слове — полет и фантазия, в каждой фразе — живая мысль, в каждом предложении — чья-то душа...

Начинает казаться, что в мире ничего больше нет: нет личных проблем, нет ссор и выяснения отношений, нет ничего негативного и депрессивного, что обычно присуще каждому жителю мегаполиса. Особенно творческому его жителю... Есть только искусство в самом ярком его проявлении — искусство слова...

Спасибо тебе, Таня, за то, что мы все когда-то попали в твою комнату-шкатулку. Что ты умела собирать вокруг себя самые лучшие, самые искренние, самые настоящие слова. Что ты дала нам возможность иногда погружаться в этот чудесный мир творчества внутри суеты внешнего мира и самим создавать его. Спасибо за твою улыбку и доброту.

Спасибо за то, что ты была, есть и будешь у каждого из нас. У всех, кто когда-то побывал в твоей волшебной комнате-шкатулке...

Я знаю, ничего в этом мире не проходит бесследно.

Спасибо, Таня.

Вначале все было легко...

Вначале все было легко — вниз по Тверской, у кафе «Му-Му» повернуть, а потом арка. А за аркой мне казалось, что я вообще ничего не найду. Но потом все-таки нашла эту железную дверь, и она оказалась открытой.

Внизу все уже собрались. Таня была в центре, наливала всем кофе и много смеялась. Я начала дико стесняться, вместо кофе попросила чай, стеснялась подняться вверх по лестнице в туалет. А потом привыкла и стала часто бывать в клубе «Журнального зала».

Мне нравилось смотреть на Таню: она была нарядно-высокая, часто в белом, и белый у нее был тоже особенно нарядный. Она всегда либо только что откуда-то приезжала, либо вот-вот должна была куда-то уехать. И все к «таким людям, девчонки!». Наверно, поэтому у нее часто был свой, Танин загар и никакой московской зеленушности. На Тане всегда что-то интересненькое висело и посверкивало.

Все вроде было само собой: само собой так уютно, само собой приходил автор, само собой собирались писать эссе. И почему-то за этим умным столом я стала вдруг легче писать после перерыва.

Однажды я положила в зале пальто на стул, а Таня сказала: «Кто-то не повесил пальто на вешалку, повесьте, пожалуйста». Она любила и берегла это место, но как-то легко, играючи.

Потом я долго не приходила писать эссе. У меня мама заболела раком, и стало ни до чего.

Но друзья передавали, что «Таня тебя зовет».

У меня получилось придти. И в конце, когда все стали расходиться, Таня рассказала, что умерла ее мама, остался папа, и что она переживает о нем. Все уже поднялись наверх и звали меня. Мы с ней не договорили. Таня тоже поднялась

наверх: «Приходи, надо приходить, надо писать» и закрыла железную дверь.

Я решила, что напишу Тане, поблагодарю ее за заботу. Нет, лучше лично, когда она вернется.

Но она не вернулась...

Я очень мучилась оттого, что не смогла приехать на вечер, посвященный ей. Меня тянуло все кому-то позвонить и объяснить, почему не смогла. Но я не понимала, кому надо звонить. А потом до меня дошло, что это было: мне просто хотелось поговорить с Таней, мы же не договорили и совсем не подружили.

Я дома смотрела фотографии вечера, посвященного Тане. Там все были очень грустные. Одна Таня улыбается: только что откуда-то приехала или куда-то собирается.

«Египетские ночи» в «Журнальном зале»

Для проекта «Египетские ночи» Таня стала Музой и хозяйкой дома в одном лице. К тому времени, когда мы четвером¹ перенесли свои собрания в клуб «Журнального зала», проект — литературные импровизации по методу Михаила Эпштейна — существовал уже около года. Однажды мы рассказали Тани об этой живой литературе — и последовало немедленное приглашение в Гнездииковский и предложение сделать импровизации регулярными. А нынешнее название — придуманное Анной, единогласно принятое и ставшее нашей визитной карточкой — возникло, когда Таня создала на сайте ЖЗ специальную рубрику, для которой понадобился заголовок.

Менялся состав участников, менялись ведущие, а Танино присутствие оставалось неизменным. Чаще всего она не писала эссе вместе с нами — о чем сейчас остается только пожалеть — но предлагала наравне с другими темы и участвовала в их обсуждении, поддерживала проект и — как это всегда происходило со всем, что ей нравилось, — горячо пропагандировала. По Таниной инициативе избранные эссе публиковались в ЖЗ, планировалось издание сборника таких текстов. Излучая энергию, Таня сама заряжалась ею ото всего, в чем был творческий потенциал.

Участники «Египетских ночей» собрали здесь по одному эссе по выбору авторов. Какие-то из них написаны во время встреч в Гнездииковском, другие позже, когда Тани уже не было с нами, — о ней или на придуманные ею темы.

Анна Аркатова, Ольга Сульчинская

¹ Анна Аркатова, Ольга Сульчинская, Вадим Муратханов, Санджар Янышев

ТЕПЛО КАК МЕТАФОРА СЧАСТЬЯ

Тепло — это, к сожалению, не метафора счастья. Это и есть счастье. Счастье приходит с теплом, с солнцем, батареей парового отопления, пуховой курткой, сухими варежками и со словами «на вот, возьми эту накидку». И никто не станет этого отрицать. Ни один нормальный человек. А все только будут говорить «как бы я хотел посмотреть норвежские фьорды», а на самом деле только и мечтать об Италии, Франции, Греции и Калифорнии, о географии Римской империи. Потому что любой праздник жизни, любое душевное торжество, любые космические впечатления меркнут и сжимаются, если тебе в этот момент холодно и никак не развести костер. Не зря говорится в известной детской игре: холодно-горячо. Тепло — теплее — горячо. Горячо — это и есть истина, правда, верный путь. Успех, находка, победа.

Ради тепла я жертвую всем. Включая собственную брезгливость. Однажды в бедуинской деревне, куда мы по разгильдяйству проводников прибыли на невменяемых верблюдах глубокой ночью, я начала потихоньку сливаться с потусторонним миром от чудовищного холода. Дул ветер, на зубах скрипел песок, и на голову мою уже была намотана футболка, а на тело — бейсболка. Стыли ноги (я в легком спортивном костюме и шлепанцах). Видно было, что я легкомысленно рассчитывала уложиться с этим путешествием в световой день. Стены бедуинской хижины — это перехваченный в трех-четырёх местах природный штaketник. Набились мы за этот штaketник, жмемся друг к другу. И тут выясняется, что по плану мы должны тут романтически встретить рассвет. Рассвет! А сейчас полночь! Все арабы вокруг сидят, курят кальяны, и на головах у них тюрбаны. И вот я, белая женщина, встаю и прошу у нашего немытого проводника свитер. И он снимает его прямо с себя. И я

прямо из рук его надеваю этот свитер поверх бейсболки. И не останавливаюсь — прошу еще что-нибудь. И он вытаскивает из-под какой-то мумии одеяло. И мне ни капельки не противно, не стыдно, а просто страшно, что рассвета не будет вообще. Он не наступит, потому что мы в противоположной — относительно тепла — стороне света.

Как люди могут привыкнуть к холоду? На месяц отключают горячую воду — и всё. Ты уже в других координатах добра и зла. И это не просто комфорт. Это люди счастье твое отбирают, и неизвестно — отдадут ли. А еще среди них всегда найдутся такие, которые скажут, глядя, как ты ежишься: «Да ты что! Смотри на меня — я с коротким рукавом!»

Когда в рижских домах из экономических соображений разрешили менять центральное отопление на газовое местное, страшно следили за тем, чтобы ни один сантиметр общей трубы (пущенной сквозь все этажи) не поставлял тебе неоплаченного тепла. Вот как ювелирно ты должен от нее отрезаться! Да, тепло — это сильный рычаг.

Может быть, нужно быть все время замужем, чтобы не замерзать. Мужчина лучится теплом. Как ванна. И плита твоя в это время все время раскалена как плита. Кстати, и память об этом функционирует исправно, как будто работает на вовремя залитом бензине — метафоре тепла.

Елена Комарова

СПРАВИТЬСЯ С СОЛНЕЧНЫМ ДНЕМ

Вчера была метель. Я сварила много супа и честно смотрела в окно. За окном бабушка выбивала ковер. Но как-то странно выбивала — она вставала лицом к ветру, выпрямлялась, и юбка у нее колыхалась.

Потом она опять веником засыпала ковер. Снег под ковром был черный. Плохо убирается, наверно. Я уже успела детей накормить супом — она все с ковром. Потом выскочил какой-то парень, схватил ковер и увел бабушку.

А где наши ковры?

Я вытащила ковер, коврик, детей и побежала. Метель мела, снег падал и падал. Я совсем забыла, как мы с папой выбивали ковры. Помню, что был вечер и веник такой обкусанный.

Мы с детьми стали бегать по ковру, бить его веником, совком и маленькой щеточкой, кому что досталось. Потом они лежали на нем, положили на новый, чистый снег, и я не успевала мести веником. Сыпал новый. Маленький коврик я чуть не потеряла под снегом. Когда я пришла домой, я увидела, что шапка у меня вся перевернута и улыбка какая-то дурная.

Утром у меня болели руки. Солнце светило. Почему оно сегодня решило, что надо улыбаться?

КАКОЕ Я ЖИВОТНОЕ²

Интерфейс френдленты. Френды вывешивают результаты теста «Какое ты животное?». Тест для инициативных девушек в летнем лагере: можно завязать разговор, установить контакт, вызвать эмоции и ассоциации. Слово за слово, и вот уже какие-то отношения. Правильных ответов не существует.

В сети — это разговор машины с машиной. Отсутствующего с отсутствующим. Вне тела и времени.

Каждое животное можно нарисовать ярко, эффектно, сделать забавным. В каждом найти достоинство, каждому сказать комплимент.

Вне теста дела обстоят сложнее. Сравнивая с животным, оскорбляют, обвиняют. Или наоборот, животных ставят в пример как существ более благородных, свободных от людского лицемерия.

Пустыня этологии... Они ничего не могут нам сказать о том, как нам жить, что значит быть естественным.

Работать на программах, которые не конфликтуют между собой?

Не иметь в словаре терминов, которые нельзя определить указанием на конкретный предмет или ситуацию?

Не иметь рефлексии?

Быть свободным от нравственных апорий?

А в чем тогда естественность домашнего зверя?

Чужой кот, которого я фотографирую на мобильник, копирует мое выражение лица. Из вежливости? Лучше бы я этого не видел, хотя упрекнуть его тут не в чем. Он ест не потому, что голоден, а за компанию. Просит еду, чтобы было за что быть мне благодарным и за что меня уважать.

² Татьяна была очень общительной и жизнелюбивой, искренне интересовалась людьми, удивлялась их поступкам. И потому сама тема эта (куда я ее в итоге повел, в данном случае совершенно неважно), игровая, провокативная, добрая, кажется мне очень созвучной характеру Татьяны.

Моя такса считает себя человеком. В отсутствие хозяев норовит забиться под одеяло.

Она целый день переживает из-за того, что залаяла ночью, поддержав окрестных собак. Это — инстинкт, но такса полна сомнений, думает, как следовало поступить правильно. На всякий случай чередует демонстрацию чувства вины с выражением морды «сама невинность». Она ищет решение. Она понимает, что быть естественной — этого уже недостаточно.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОДИТ БЕЗ ЗОНТА

Речь ведь о небе? Так? Иначе при чем тут зонтик?

Человек, который ходит без зонта, без зонта ходит потому, что забывает. Каждый раз при выходе из дома, отвлекаясь на мысль о... Но и мысль эту он тут же забывает, потому как на самом деле не так уж мысли эти для него важны. Он только чувствует потом, выйдя из дома, очередное обновление тела, которое вдруг обтягивается новой кожей. И кожа эта прошивает его тело холодной дрожью, а к вечеру ледяной озноб одновременно становится еще горячечным, а мир вокруг — тесным, душным, жарким, освещаемым изнутри ровным сине-зеленым светом, и свет этот стелется и стелется, пытаясь дотянуться до краев распахивающегося перед ним пространства. И — не может, пусть и движется со скоростью нечеловеческой. У пространства этого нет границ. Но при этом оно — тихое, гулкое и неимоверно чуткое. Так что еле слышный шорох наволочки расходится в нем волнами со все прибывающим и прибывающим звуком, разбухающим от бесконечного эха, и это уже не шорох, это грохот, и когда грохот этот становится непереносимым, человек становится им.

И зачем ему зонтик? У него почти не осталось причин загоразиваться от неба, опускающегося на него беззвучным плотным снегопадом, или встающим вокруг шелестящим, забухшим пористой водой пространством; небо он знает кожей, костями, телом своим. И уже телом этим чувствует, что границы его в этом мире кончаются — растворяются, ограничивавшие как отдельного человека.

Он уже готов. Зонт ему не нужен.

Вадим Муратханов

ЖЕНЩИНА ЧИТАЕТ КНИГУ НА ПЕРЕХОДЕ

Машины ослепляют фарами ее профиль и стирают шинами ее тень. Пешеходы-попутчики задевают плечом и наступают на пятки. Но мир, несомый в руках, важнее и реальнее окружающего.

Есть в этой нелепой картине что-то трогательное, как если бы женщина, не размыкая мокрых век, нащупывала полотенце над ванной. Смутное напоминание о мире, предшествующем грехопадению.

Не успевшая затормозить машина толкает женщину под руку, и она, нахмурившись, не поднимая головы, ищет потерянную строчку.

ГЛАЗА МЕРЦАЛИ, КАК БЛУЖДАЮЩИЕ ОГНИ
НА КЛАДБИЩЕ

Ночью перед старым серпантином на Ялту в свете фар нашей «копейки» (это 1-я модель «Жигулей», если кто не знает) возникло страшное серое животное, сжимающее в зубах окровавленный комок шерсти. Мы сразу, генетической памятью предков, узнали в нем только что удачно поохотившегося волка. Вовсе не немецкую овчарку, которых в Крыму полным-полно и которые так похожи на волков с иллюстраций из Брема.

Глаза вечного врага человека мерцали, как в фильме ужасов, и ничего удивительного, что вписавшись в первый же поворот на старой дороге, мы все одновременно заговорили о смерти, о кладбище, о недавних похоронах близких. Потом начали нервно смеяться, и только заметив, что наш водитель неуверенно ведет машину по вообще-то очень опасной дороге, забеспокоились и начали трясти его за плечи. Симферопольский таксист спал с открытыми глазами. Кто-то из нас показал на карточку с его фамилией, прикрепленную к бардачку.

«Волков».

КРАСНАЯ РЕКА, БЕЛАЯ РЕКА³

В большом картонном ящике моего детства хранились открытки. Много, в основном — букеты и дедморозы. Но изредка попадались иностранные. Одна такая была вид Нью-Йорка сверху. Темное небо и черная улица, а по ней словно цветная шерсть размотана. Это размытые и растянутые скоростью огни ночных автомобилей. Да, напоминает две реки, текущие в одном русле друг другу навстречу. Но не потоки разного цвета — а струи в них.

Вот бы мне сейчас вспомнить подходящий к случаю сюжет! Интересную историю, чтоб она своей стройностью украсила рассуждения, цепляющиеся друг за друга в силу неясных ассоциаций. Но ничего не приходит в голову. Вместо этого всплывают некстати дальние родственники. Дядя Митя с лицом печального павиана на старом фото — на самом деле не дядя, а двоюродный дед. И уже действительно двоюродный дядя, Николай из Челябинска, и уже не на фото, а вполне сам по себе, веселый гость, заполнявший плечами и голосом всю полутемную прихожую на улице Чкалова. Улыбчивый и толстогубый, с каштановым чубом надо лбом. Долгое время я почему-то думала, что он и писатель Чуковский — одно лицо.

Откуда они здесь взялись? Дайте подумать. Родня со стороны дедушки... Может, я их вспомнила из-за того, что у дедушки была машина? В те мои глубоко дошкольные времена, когда машин еще было мало и они не сливались в стремительный гудзон, а ехали гордо, поодиночке.

Дедушкина машина звалась «Москвич». Мне она нравилась, но вот поездить в ней мне не больно-то удавалось — меня сразу же начинало тошнить. Считалось, оттого, что в синем салоне пахнет бензином. Я больше любила, когда она стояла в своем полутемном стойле — с цементным полом

и устойчивым запахом выхлопных газов. Как ни странно, в гараже этот запах, наоборот, действовал на меня умиротворяюще.

Всегда, куда бы я ни шла, я глядела под ноги и сосредоточенно подбирала любые железки — винтики, болтики, гайки и отслужившие шпингалеты — и складывала в карман. А потом, гордая от сознания пользы, которую я приношу, отдавала их дедушке: «Тебе пригодится машину чинить?» И он принимал их в сухую ладонь и серьезно отвечал: «Конечно, пригодится. Спасибо».

³ Тему «Красная река и белая река. Два потока машин ночью» предложила Татьяна Тихонова 21 мая 2012 года. Ее комментарий: «В темноте ты едешь в красной полосе, а белая — те, что несутся навстречу. Они — свободные, там нет пробок, но ты едешь в красном ряду и — никуда не деться!»

ВОЛШЕБНАЯ ГОРА

Незадолго ДО она поделилась фильмом. Фильм назывался «Солино». «Как-как? — Со-ли-но. Это имя деревушки или местности в Италии...».

Никогда прежде о кино с Таней мы не говорили. Математика, музыка, фотографии собственного домика в телефоне... А вот кино не обсуждали.

«Начала смотреть случайно, по телевизору — и застряла. Будет возможность — обязательно посмотри. Там про двух братьев...». В тот же день (ночь) вспомнил и нашел «Солино» в Сети, добавил в закладки, скачивать не стал, отложил до следующего ЗНАКА: хороших фильмов много. Почему всё-таки вспомнил... Во-первых, режиссер — Фатих Акин, турок, живущий в Германии. То есть мигрант, человек на перекрестке. То есть — про меня. Во-вторых, сюжет про двух братьев (Иаков vs Исав?) — опять про меня.

Но при чем здесь Италия?

Братьев зовут Джиджи и Джанкарло. Еще мальчиками их увозят из родного Солино в другую страну. Отец мечтает о лучшей жизни, мать уступает воле, точнее, прихоти, отца. В Германии они открывают семейное предприятие: итальянскую пиццерию. Мать, тоскующая по дому, придумывает заведению имя: «Солино».

Братья вырастают. Джиджи не хочет всю жизнь подавать макароны, он мечтает снимать фильмы; у него свой путь, своя Гора. Джанкарло не мечтает ни о чем, но и оставаться у подножия — не желает. Поэтому для начала он отнимает у брата девушку, а после получает за него приз на кинофестивале. Джиджи, тем временем, возвращается с заболевшей матерью в родную Италию, в Солино...

Вот, собственно, и весь сюжет.

Мой сюжет называется «Волшебная гора». Это Танина

тема, ее вклад в игру под названием «Египетские ночи». А вот ее комментарий: «Ты едешь, поднимаешься вверх и — освобождаешься, забываешь про мелочи, забываешь про всё... И рождается Волшебство. Возможно, это ликующее чувство свободы — следствие того, что ты в любой момент можешь вернуться. Спуститься».

Я снова вспомнил про Танин фильм после ее смерти. И вот о чем подумал, закончив его смотреть. В последний год жизни Таня, подобно героям «Солино», изучала немецкий язык. А погибла в Италии. Есть тут какая-нибудь связь? **КОНЕЧНО ЖЕ, НЕТ.** Пустое совпадение. Хотя и хочется, по примеру одного аргентинца, заключить пассажом о том, что, мол, «чудится во всем этом символ, который вот-вот разгадаешь».

Гора Джиджи и возвращение домой. Восхождение и спуск. И мысль, легкая, почти волшебная: нельзя спуститься туда, откуда восшел. (Тут кончается Басё с его улиткой на склоне — и начинается Гераклит.)

Таня тоже вернулась. Просто пункт отправления, пока она путешествовала, изменился.

Поэтические заметки

Анна Аркатова

* * *

холодно — еще не совсем,
боязно — еще не вполне,
остановиться бы всем,
не продвигаться вовне,
дальше все меньше тепла,
дальше все меньше огней,
надо же, так далеко уплыла,
а берега всё видней.

Памяти Т.Т.

адов скрежет зарёю корёжит туман,
за пузырьчатым сном ариаднина нить;
и тогда еле слышно присвистнул фома:
то, что больше не держит, — не соединить.

знаешь, что коченеющий мелхиседек,
в предпоследний прощаясь с рассветною тьмой,
завещал? на ногах не стоит человек,
ветер роет волну, серный дух за кормой.

если весь вавилонский неброский словарь
(даже крайнюю ижицу!) взять на просвет —
слитный гул перекроет чем пропись жива,
фет напомнит: прискорбно, но страшного нет.

понимаешь чем свет, что стущается вдоль
застеклённых изгибов, как злые пески, —
то торопится, сыплется мелкой бедой
захлебнувшийся вдох и не слышно ни зги.

Сергей Белорусец

* * *

1

Охоты нет, но всё ж
(Отчасти жизнь — охота...) —
И — ты с утра встаёшь
(А то — заспался что-то...)

И — ты встаёшь с утра —
Поборник эксклюзива,
И — ты встаёшь с одра
(Отчасти — боязливо...)

И — ты встаёшь, велик
И мал (в одном флаконе),
И — ты встаёшь, двулик,
И — сердце-сердолик —
Внутри — как на ладони...

2

Окрестной жизни полукто, —
Один,
Без лишних слов,
Невесел —
В передней Папиным пальто
Ты нынче зеркало завесил...

Чтоб написать
Потом стихи.
О том стихи
(Такое эхо...)
...А дни — бездумны и тихи.
И — величавы
(Кроме смеха...)

* * *

Тускло-синий, диковатый
лунный свет кладет заплаты
на уснувшую траву,
мира контуры меняя,
тихим страхом наполняя
сад, в котором я живу.

Мне во тьме видна скамейка,
где ночных существ семейка
завершает свой обед,
где, с утра нащупав тему,
сочинял весь день поэму
незадачливый сосед.

Меж своих угодий злачных
он бродил в галошах дачных,
с недоверчивым лицом,
хмуря брови деловито,
заедая аква виту
перезрелым огурцом.

Где сосед? А нет соседа.
Он погоню сбил со следа,
оторвался — и взлетел,
утишая сердца раны
среди марсов и уранов
и других небесных тел.

Обретя свою свободу,
он плывет по небосводу
в телогрейке — но босой,
а под темными стволами,
сея фосфорное пламя,
бродит барышня с косой.

А соседка? Нет соседки,
той, что чай пила в беседке,
и беседки тоже нет.
Чайник брошен недопитый,
а за ней — крутой, размытый,
реактивный тает след.

Старый пес — и он за ними,
месит лапами больными,
в вираже руля хвостом.
И в ответ на зов осенний
их серебряные тени
завиваются винтом.

Небосвод сгустился плотно,
на сукне его добротном
косо млечный путь звенит,
словно орденская лента,
и летит моя фазенда
сквозь потоки Леонид.

Дикий ветер воет в поле.
Я одна осталась, что ли?
Ни мангала, ни огня...
Только фосфорная дева,
да и та куда-то делась —
или ей не до меня?

Ход луны в ночной лазури
будит яблочные бури
под наплывами коры,
поздний сок бурлит в березах,
и цветут на хрупких лозах
параллельные миры.

(букет)

хорошо бы какую посуду
на шкафу если встать на кровать
красоту принесли отовсюду
и не жалко ее обрывать

вот лохматое пламя сирени
одуванчики бронзой монет
незабудок теснят акварели
собирают на кухне букет

колокольчик герань луговая
лютик майника скошенный рот
и не страшно когда грозовая
на поселок армада плывет

хорошо что из разных названий
луговые растенья в воде
отменяют язык расстояний
значит места не будет беде

и наверное будет не страшно
если к ужину сослепу вдруг
с затаенной обидой вчерашней
в окна майский ударится жук

Ирина Горюнова

* * *

Знаешь, по ночам я выхожу из тела и вижу сны
Вижу прохожих, собак, ребятишек на санках,
Шалых влюбленных, сосны, оскал луны,
Снег порассыпанный словно крупа из банки...
Вижу, тебя нет рядом, и только след
(твой ли?) ведет куда-то, на запад вроде...
Ну а потом я прыгаю на парашют
И просыпаюсь — сердце тихонько сводит:
Это ведь только начало, а не конец
Я научусь летать и расправлю крылья
Просто для бога по сути любой птенец
Вылупляется из младенческого бессилья.

Андрей Грицман

Тверская

Корабль империи с сияющими письменами поверх.
Ну, что же случилось там с нами однажды навек?
Стальная гуляет поземка. Стерильно, родного нет сора. Но,
сидим хорошо: винотека, искусства французского сыра и
бисером зерна.

Пунцовые чрева шалманов, словно остались от НЭПа,
от МУРа.

О небо Москвы, ты вечнозенитное небо под утро.
Могли б мы подумать когда-то, что это не наше, но чье-то.
И ты, как всегда, говорлива, а я залетел в звездочеты.

Немыслимый город, каркас на каркасе, и эра на эре.
Вот скол переулка, вот лепка стены, и трудно поверить,
Что после отлива откроется город предутренне вечен,
и мы — силуэты в окне, силуэты в мерцании встречи.

Елена Дорогавцева

* * *

Переходя в другое естество,
мы все подобны бабочкам из теста.
Мы — грубое простое вещество,
цитата из заученного текста,
где каждому присвоено число,
и нет греха позорнее, чем бегство.
Чем будем мы, какой кривой водой,
каким остатком, памятью, событьем?
Из нас сольются золотые нити
или отмерят цинковый постой.
Всё, что меня соединит с тобой,
гораздо больше первого соитья.
Лишь неизменно в полной тишине
больного солнца голубая глыба
блеснёт со дна, как заспанная рыба,
и всё вокруг в жемчужной чешуе,
и повар — зверь, и ученик опасен.
Никто из нас быть пеплом не согласен,
но этим светом, этой чешуёй.

Ирина Ермакова

* * *

Нет, не о смерти. Всё с ней и так понятно —
детская дрессировка, всегдаготова,
Не о слезах — не зазовёшь обратно.
Просто скажи: Лёша. Наташа. Вова.

Бабушка Соня. Глебушка. Миша. Нина.
На табуретке. В кухне. Сижу живая.
Таня и Толя. Внятно. Медленно-длинно,
бережно-бережно по именам называя.

Как вы там, милые? Дробь и погудки горна.
Холодно вам? Здесь у нас — дождь и святки.
Саша и Саша. Плавится шёлк у горла.
В слёте дружинном. В святочном беспорядке.

В долгоиграющих праздниках столько света,
столько огней, жалящих именами,
ёлки горят — словно жизнь до корней прогрета
и никакой разницы между нами.

Ночи идут строем, вьются кострами.

Даты и даты. Звёздочки именные
пристально кружат в здешних кухонных куцах.
Столько любви вашей во мне, родные, —
хватит на всё. Хватит на всех живущих.

Ольга Ильницкая

* * *

Колдует листва за спиною у лета,
пожаром горчит голубой листвоюй.
По птичьим дорогам уводит поэтов
куда-то спешащий пернатый конвой.

Я жду бестолкового лепета выюг,
чтоб молча ступать по разбухшим паркетам
дубрав, приютивших бездомных поэтов...
А стаи летят через выюги на юг.

У гордой пичуги хрустальный язык,
малиновый звук над подлеском грачным.
Никто не запомнит усталой причины
подмены запева на хрипы и крик.

У холода свой серебристый язык.
У певчих свои временные законы.
И всякий по-своему плакать привык,
сличая вокзалов сквозные прогоны.

Ущербная тяжесть пути. А куда?
Туда суетливо уносятся стаи,
туда эшелоны заслонами ставят,
и тихую сапой живут города.

Неверная участь залётных гостей.
Навязчивый след красноглинных обманов.
У черной реки. У ясной поляны.
Среди оскудевших до срока полей.

Александр Кабанов

* * *

Как поет фонтан сквозь терновник зноя:
(пенье + терновник = терпенье)
вот и ты, учишь ремеслу изгоя —
по оттенкам складывать оперенье,

вырезать гудение из лазури,
чтоб услышать зрение потайное —
это бьется шершень в тигровой шкуре
о стекло-стекло (угадал — двойное),

и вершат ночные свои обряды,
примеряя траурные обновки:
совки, цинтии, шелкопряды,
листовертки (а где огнёвки?).

и янтарным запахом канифоли,
изнутри окутаны все детали —
это словом-оловом-поневоле
нам с тобой бессмертие припаяли.

г. Киев

Геннадий Калашников

* * *

Никогда не пора,
ни в ночи, ни с утра...

погоды у воды, ледяным повернувшейся боком.
Кто-то смотрит на нас,
то ли тысячью глаз,
то ль одним, но всевидящим оком

Пусть запомнит вода
рыбака невода,
птицелова силки и упрямые петли погони.
Прячет омут сома.
смотрит осень с холма
из-под тонкой, прохладной ладони.

На миру, на юру,
на бытийном ветру
из живущих никто не пропущен.
Дальний выстрел в лесу
постоит на весу
и рассыплется в чашах и куцах.

Смотрит осень вприщур,
зензивер, убащур
и прорехи, зиянья, пустоты.
Что ты медлишь, Творец,
расскажи, наконец,
про твои золотые заботы.

И запомнит вода
у запруды пруда

что не входят в поток ее дважды,
то, что свет — это тьма,
что открылись с холма
горизонта с полями пространные тяжбы,

медь и камедь сосны,
свет холодный луны,
облаков невесомые битвы,
блеск плотвы, плеск листвы,
шум травы-муравы,
гон твоей каждодневной ловитвы.

Бахыт Кенжеев

* * *

В замочной скважине колеблющийся свет,
блаженный муж терзает хлебный мякиш,
и пахнет смертью, горькой и целебной.

Случайный сорванец глядит, и, напрягая слух
пытается понять обрывки разговора
между тринадцатью бродягами. Они

взволнованы, как будто ждут чего-то
неведомого. И, сказать по чести,
немного смысла в их речах несвязных.

«Что скажешь нам, Фома?» «Учитель, что есть страх?
Ужель всех поразит секирой роковою?»
«Нет, вера и ответ есть дерево и прах,

Олива, облако, медведица, секвойя».
«Ты снова притчами?» Спиной к огню
сидят ученики, не улыбаясь. «Если

б ты твердо обещал, что, кровь твою вкусив,
вслед за тобой мы тоже бы воскресли...»
«Я обещал». Встает другой, кряхтя,

и чашу жалкую вздымает. Млечный
сияет путь. Соскучившись, уйдет дитя
от кипарисовых дверей, от жизни вечной.

Пора — его заждались мать с отцом.
Сад Гефсиманский пуст. Руины храма. Столько
лет впереди. Совсем не страшно

глядеть в полуразрушенное небо.
Собака лает. И бренчат доспехи
полночных стражников, как медные монеты

в кармане нищего. Как в старые меха
не влить вина игристого, как воду
мечом не разрубить, так близится к концу

время упорное — кипя, меняя облик тленный —
уже во всем подобное терновому венцу
на голове дряхлеющей вселенной.

Кирилл Ковальджи

Ты белкой в России была

Ты белкой в России была,
доверчиво-дикой была ты,
была ты ручной и крылатой,
крылатой, не зная крыла;
летела в лесные палаты,
где рдели сквозные закаты
и молча сгорали дотла.

Пушистый комочек тепла,
ты жалась во мраке дупла,
когда октябри моросили,
не знала ни бедной России,
ни боли сознания, ни зла.

Я знаю: теперь и когда-то
ни в чём не была виновата,
за что и откуда расплата,
зачем с пепелища заката
летит золотая зола?

Россия, Россия, Россия...
Постой, надвигается мгла;
я сна не увижу красивей,
чем тот, когда в бедной России
ты белкой лесною была.

Откуда удары набата,
чья это беда и утрата,
по ком это — колокола?
По веткам горящим бежала,
сквозь пламя — живая стрела...

В глазах твоих отблеск пожара,
неведомой боли игла.

Борис Колымагин

* * *

Скалы волнами, волны покоя
То ли грустишь?
То ли летишь?
Мутное небо вчерашнего зноя
Ровная линия — кыш!

Линия точки, точка возврата
То ли весна
То ли красна
Бодрая песня в небе солдата
И в наступление — на!

На — на Гамзатова, на Окуджаву
Вроде не смел
Вроде не пел
Точка выводит в небе октаву,
И комаров беспредел.

Евгений Кольчужкин

* * *

Дом похваляется крышею; та — коньком;
Ну а коньку чем хвалиться, — листвою сухою,
Ветром несомую? Флюгером-петухом?
Птахой — насельницей комнатки под стрехою?

Или уздою, короткой, как окрик? Вмиг
Взмыть на дыбы — и на волю. — Гуляй, разруха!..
Будет чужое болото хвалить кулик,
Да не доскачешь дотуда — в своём по брюхо.

Ветер разносит на разные голоса
Сказки о райских тосканах или равеннах
Там, говорят, черепичные небеса
И облаков балконы на синих стенах.

Там только смерти нет; трудно ее застать, —
Снова в отлучке, в дороге, в командировке...
Там дольше жизни придется автобус ждать,
Целую вечность — на остановке.

и после смерти

а когда человек умирает
он себя самого забывает
даже страсти что жгли и болели
забывает в оставленном теле

эти ахи и вскрики и вздохи
в бедном теле лежат одиноки
прорастают ручьями травую
над уснувшей в земле головою

смс-ки печали и счастья
у сомнамбул пусть ищут участия
и любовные все разговоры
притаились в земле словно воры

все что снилось тебе человеку
погружается в общую реку
общей памяти общего дела
одного бесконечного тела

столько знает вселенское тело
даже то что сказать ты хотела

все что мы не сказали друг другу
пусть цветет теперь клевером в гугле

Ирина Котова

* * *

Это женщина, твердою гелевой речью
отделившая мать от ребенка.
Это мудрый червяк потрошит Междуречье,
рассуждая, что время — воронка.
Это с неба Луна проскользнула в кувшин
и сияет там медною решкой.
Это слабый, слепой покоритель вершин,
сбитый с курса обманною вешкой.
Это вор караулит добычу, дрожа,
в сквозняке амфорической арки.
Это желтые пятна на теле ужа,
разутюженном шинами в парке.
Это ворон когтистый собаку клюет,
зараженную гнойною чумкой.
Это мед, вытекающий в землю из сот.
Это смерть не с косою, а с сумкой.
Это жизнь, разветвляясь на тысячи жил,
раскрывается, ищет опору.
Только в ней человек, сомневаясь, что жил,
смотрит в звезды сквозь пыльную штору.
Только в ней человек, упустивший коня,
а с конем — золотую уздечку,
кувыркаясь, кусаясь, беснуясь, храня,
входит в Лету, как в местную речку.

Инга Кузнецова

* * *

Жизнь убегает, точно муравей,
по тыльной стороне ладони.
Потом теряется в сухой траве.

И вот приходит смерть, как новичок,
и замирает, точно вор на стреме
в пустынном доме. Далее — молчок.

Когда летит прозрачное с небес
на дальний лес,
все кажется приветливым и ярким,
таким подарком!

А муравей бежит между стеблей.
А человек уходит меж деревьев.

...В горячем небе, в голубом стекле,
парит душа — крылатая без перьев

Максим Лаврентьев

* * *

Изучая таинственный мир,
я узнал у полей и дубрав,
что жестокая родина — миф,
что земля бесконечно добра.

И ещё я узнал у полей,
проходя по родной стороне,
что когда мы склоняемся к ней,
мы становимся с ней наравне,

что из тех, кто рассыпался в прах,
опустился в столетий раствор,
ни один не лишается прав
на исконное с жизнью родство.

Евгений Лесин

* * *

Раньше клали ключ под коврик
И гуляли по ночам.
Дым отечества и горек,
И приятен москвичам.

Коммуналка, старый дворик,
Вору нечего украсть.
Раньше клали ключ под коврик.
Можно было и не класть.

Вадим Месяц

* * *

Белизна обмороженных детских щек,
их упругость резиновая, как мяч.
Новый год, разрывающий синий шелк,
безнадежной сестры материнский плач.

Злые люди катаются с зимних гор,
вечный хохот горит в их открытых ртах,
как священный огонь, что сковал простор
и застыл вместе с ним в заполярных льдах.

Чужеземцу в их души проход закрыт.
У них время людей не в сердцах течет,
а в ключе серебристом, что в ночь зарыт,
в ночь, которую в полночь придумал черт.

Помнишь, яблоки хрупкие, как фарфор?
Я готов на них до утра глядеть,
если их полноцветность подарит взор,
заставляющий женщину молодеть.

Если сон мой растет, словно снежный ком,
то однажды — покатится по земле,
заливая свеченьем и молоком
мою родину в ветровом стекле.

Татьяна Милова

* * *

Как-то щедро мы разбрелись, расплескивались по городам,
Статусам, даже занятиям, — так ничего и не сделали плечом к плечу;
Разве что сталкивались нос к носу («...Нет же,
совсем не изменилась, клянусь!..»),
Называли пароли юности: Копакабана, Яма, Сайгон;
Начинали отсчет уопленников (тоже масонский знак)
В разных водоемах: кто в Америке, кто в Крыму —
Через Канаду транзитом; четверых уже нет
(«Двое с международного, рыженькая с литкритики, кто еще?..»);
Трое вышло в главреды (...и восемнадцать совсем спилось, —
Я могла бы добавить) ...вот только тут,
Как бы всем помахав, оставались как бы вдвоем:
«Срочно вызвали в командировку, всего-то пара недель, —
Говорил Сергей, переминаясь, — не смог позвонить,
Вот тогда у нас начало расклеиваться...» — «Да нет, —
Возражала Марина, — намного раньше; уже забыл,
Как меня бросил, в Тарту?.. — поживаясь, — ...я едва добралась?..»
— «Просто много выпила». — «Да уж, на слайдах как помидор...»
— «У тебя еще жив проектор?.. А пригласи!..» — «А легко —
Скажем, послезавтра; запиши мобильный, — дернув плечом, —
Восемь — девятьсот три —...»
...Тут, наконец, встревала и я:
— Вы увидите, Марина, спустя четыре года и восемь дней,
На бегу, на станции «Академическая»; он уже будет лысоват,
Ты — в цейтноте, спешить в поликлинику с дочкой; будет
просто ни до чего
(Да и не для чего — как уже станет ясно...); так что «привет!» —
«привет!..»
...А с тобой, Сережа, мы встретимся через семнадцать лет,
два месяца и три дня,
После работы, — лето, август, пыль, жара, духота,

Вадим Муратханов

* * *

Пока вы не отвыкли от дыханья
и речи близких в памяти свежи,
нет ни души вокруг. Киномеханик
бесплатно крутит прожитую жизнь.

Вот входите вы с робостью ребенка
в пустынный зал на сорок мест.
Стрекочет и потрескивает пленка,
пока смотреть не надоест.

Виталий Науменко

* * *

Брось, не садись, этот поезд уходит не скоро,
А как уйдет, так билетов уже и не надо.
Город кипит, потому что он город как город,
Там не алеют аллеи тенистого сада.

Строчки в блокноте: о том, и о том, и об этом —
Смотришь на них — ни ответа тебе, ни привета.
Что-то размытое на фотографии — лето?

Это тепло — отголосок, но я забываю, как надо.
Гладь первая я вызубрю неуловимо;
Как мы уходим, так люди уходят с парада,
Флаги свернув, в пелене папиросного дыма

Темной весны, где мы встали — заложники станций.
Там мы выходим, читаем название вокзала.
Чтобы найтись, потеряться, найтись и остаться,
Добрые путники, ищущие привала.

Все о том же

непонятки тоска перепалки
догонялки за грешной мошной
целый день бы смотрел елки-палки
фильм какой-нибудь глупый смешной

я устал от стервозных клиентов
на меня нагоняющих страх
я устал от неврозных комментов
в социальных безумных сетях

только паузы нет и надежде
я сказать ничего не могу
остается бежать — так как прежде —
остается упасть на бегу

Дмитрий Плахов

теплород

по дождливому граду пройдешь налегке
толерантный насквозь но с отверткой в руке
до табачной палатки
уместив в сантиметр погонной строки
тепловозов перервы ночные гудки
и газельи глаза азиатки

суетливо мелькают огни впереди
но паскудное чувство засело в груди
что тебя обокрали
что не выпить уже нам с тобою вдвоем
где пространству придали не смысл но объем
трубы хладные теплоцентрали

здесь обрящешь себя и найдешь поутру
весь скукожен и гол на холодном ветру
и подобен вороне
где метет по асфальту чужая метла
где застыл человек не дожив до тепла
на пустынном перроне

Наталья Полякова

* * *

так пахнет свет вишнёвой брагой
и на просвет красней
за ширмой с рисовой бумагой
и сакурой на ней

так тень бежит за край так ветки
в рубец бумажных швов
шаги случайны звуки редки
театр твой готов

расти цветы не облетая
но облетая дом
кружится бабочка простая
с бумажным животом

Анна Ретеюм

* * *

I.

Кто я для тебя?

Никто.

Ветер встречный,

Дождь приبلудный.

Пусть горит твоё окно

В час кромешный,

Непробудный.

Не узнать меня

Вовек

Под плащом

Из мокрых клёнов —

Ты же перстный человек

Для видений

Легионов.

Кто я для тебя

Теперь?

Взгляд стоокий,

Вздых заплечный.

И сквозь запертую дверь —

Тень несбыточности

Вечной.

II.

Я пришла ниоткуда,

Почти по наитью...

Где росло моё сердце,
Где ночи цвели?

Пусть хранят моё имя
Опавшие листья
На туманном краю
Каменистой земли.

Я не стану бояться
Зимы и потери —
Ветер ищет напрасно
Мой завтрашний след.

Я пришла ниоткуда...
Но, если поверю,
Будет солнце —
Да, солнце! —
В ответ.

Михаил Свищев

Местные авиалинии

Крестьянин входит в градус, как в пике,
зеленой лимонадной бутылкой
крестя не пригодившийся пакет
и безмятежный август под закрылком,

ещё глоток, и утренняя злость
уступит место утренней печали:
пусть под конец, а всё же довелось
чуток припомнить, как оно — в начале.

Пилоты улыбаются в усы
и на троих докуривают слепо
мысль не длиннее взлётной полосы,
что лето прочь, а разве только с неба,

с технического разве этажа
посмотришь и на пашню, и на жито ...
что есть земля, в которую сажать,
и есть земля, в которую ложиться.

Евгений В. Харитоновъ

Утопия для людей

Сбежать
на самый дальний,
забытый самый,
стороной обходимый всеми
кораблями всеми —
остров
и создать
новую цивилизацию с нуля.
Махонькую, немноголодную,
чтоб кислорода было побольше,
а точек зрения поменьше.

Я назову это место
Утопией Для Людей

Борис Шапиро

* * *

Спросим себя, забегая вперёд, как же так,
нет, не Каин и Авель, Эрот и Танат — тоже братья?
Их ли спор нескончаем, размолвка не их ли пустяк?
И любовь навсегда — уж не смерти ли это объятья?

Снова спросим себя, отчего эта странная грусть,
если снова и снова мечту и надежду хороним.
Не бессмертье ли это, как осень, стучит в нашу грудь,
ту, где сердце одно на двоих и дыханье — акроним?

Красный с синим возможны ли вместе? Индигокармин,
синий с красным — на золоте осени — пурпур замешан.
И не слишком ли лёгким окажется господин,
что в господней горсти будет скоро оценен и взвешен?

Пусть московское аканье синее небо взорвёт.
Вдох прекрасен, а выдох вдвойне — прекрасен и гласен.
Ясным золотом листьев дорога ведёт в разворот
там, где светлая осень уже превращается в асень.

Ганна Шевченко

* * *

Раздеты рощицы и скверы,
включает ветер свой гудок,
сезон звенит дождями сферы
и бубенцами холодов.

Листвы болезненные пятна
на распутившихся зонтах,
и диск, проигранный стократно,
стоит как прежде на китах.

Пластинку юзает иголка,
годами крутится винил,
а мы, как ангелы на полке,
в палатке «Русский сувенир»

сидим на стереосистеме,
мотаем долгие круги,
над нами — вой, под нами — темень,
за нами — крылья из фольги.

Глеб Шульпяков

* * *

...дерево. Оно
стояло во дворе, у глухой стены,
как арестант. Старое, сморщенное.
Безымянное.
Про себя я так и называл его: «Дерево».
Оно считалось мертвым, но когда
я прикладывал ухо, слышал,
как шелестят листья.
Все листья, что шумели на нем когда-то.
Выше дерево вращало в стену —
где находилось мое жилище.
Чужие сны пахли медом и морем.
Но сразу же забывались.

Я прожил здесь год, писал:
*«Как странно вечерами одному
бродить среди классических фасадов,
как будто опрокинутых во тьму,
оглошную от мокрых снегопадов...»*

В сумерках,
когда воздух загустевает,
я различал под землей реки.
Хлопки невидимых окон.
Да и сам я казался призраком.
Сколько раз, боже мой!
по дороге в пустую квартиру,
я поднимался на Зверев мост.
Соборы, башни, купола —
лежали на дне канала, как гнезда.
Разоренные. Пустые.
А я почему-то вспоминал дерево.
«Как оно у стены будет?»

Сон показать — и тот некому».
Медленно шел обратно.

*«Мы ведь, в сущности, так похожи —
говорим, а сказать ничего не можем.
Даже сны, и те смотрим чужие.
Просыпаемся — и ничего не помним».*

И тогда я увидел их.
Размером с наперсток,
в красных хоккейных шлемах,
они ходили по крыше
и гроыхали задвижками,
открывая форточки созвездий.

Не город, но пятипалубный корабль
зажигал огни — и поднимался наверх.
Я видел, комья земли и глины, срываясь,
падали в сторону спальных районов.
Моллюски, водоросли, рыбы мерцали в небе,
облепив корни, —
и только темная ветка всё стучала и стучала в окна.

...Ее узор,
мелкий, как след скарабея,
сошел со стекла утром.
Ни слова я не запомнил.
Но с тех пор, как только
начинают поскрипывать звезды,
мне кажется, этот язык
утрачен не безвозвратно.
Однажды он вернется
и будет самым прозрачным
среди языков, которые
мы когда-нибудь
обретали.

Санджар Янышев

Чтение

Смерть не осмертит, гроб не сгробит, труп не
притрупит даже малой теплотцы.

Как локти полируются и ступни —
нам дарят репетицию отцы.

Умершие нас за руку выводят
на старую веранду, и само
собой — а то они выводят? —
поверх рассвета пишется письмо.

Чтоб вместе: в летнем воздухе просохший,
на резкость наведенный — до звезды —
Текст разбирать — до каждой мелкой сошки, —
Себя которым сообщал Ты.

Содержание

Вместо предисловия...	4
Ирина Горюнова. Идея этого сборника памяти Татьяны Тихоновой...	5
Анна Аркатова. Если бы меня спросили...	6
Дмитрий Дмитриев. Страшная потеря...	7
Андрей Грицман и редакция журнала «Интерпоэзия». Случилось большое горе...	8
Герман Власов. Светлый и жизнелюбивый человек...	9
Сергей Шестаков. Еще одна брешь в мире...	10
Ольга Сульчинская. Таня-Таня...	11
Вадим Месяц. Сокращение дистанции...	12
Сергей Костырко. 18 лет вместе...	14
Елена Холмогорова. И здесь теперь пусто...	27
Геннадий Калашников. Сейчас точно и не припомню...	29
Александр Жолковский. В прошедшем времени...	33
Владимир Губайловский. One way ticket...	36
Евгений Степанов. Таня	38
Алиса Поникаровская. Маленький подвальчик...	41
Елена Комарова. Вначале все было легко...	43
«Египетские ночи» в «Журнальном зале»	45
Анна Аркатова ТЕПЛО КАК МЕТАФОРА СЧАСТЬЯ	46
Елена Комарова СПРАВИТЬСЯ С СОЛНЕЧНЫМ ДНЕМ	48
Василий Костырко КАКОЕ Я ЖИВОТНОЕ	49
Сергей Костырко ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ХОДИТ БЕЗ ЗОНТА	51
Вадим Муратханов ЖЕНЩИНА ЧИТАЕТ КНИГУ НА ПЕРЕХОДЕ	52
Петр Образцов ГЛАЗА МЕРЦАЛИ, КАК БЛУЖДАЮЩИЕ ОГНИ НА КЛАДБИЩЕ	53
Ольга Сульчинская КРАСНАЯ РЕКА, БЕЛАЯ РЕКА	54
Санджар Янышев ВОЛШЕБНАЯ ГОРА	56

Поэтические памятки

Анна Аркатова «холодно — еще не совсем...»	60
Дмитрий Бак. Памяти Т.Т.	61
Сергей Белорусец «Охоты нет, но всё ж...»	62
Ирина Василькова «Тускло-синий, диковатый...»	63
Герман Власов (букет)	65

Ирина Горюнова «Знаешь, по ночам я выхожу из тела и вижу сны...»	66
Андрей Грицман. Тверская	67
Елена Дорогавцева «Переходя в другое естество...»	68
Ирина Ермакова «Нет, не о смерти. Всё с ней и так понятно...»	69
Ольга Ильницкая «Колдует листва за спиною у лета...»	70
Александр Кабанов «Как поет фонтан сквозь терновник зноя...»	71
Геннадий Калашников «Никогда не пора...»	72
Бахыт Кенжеев «В замочной скважине колеблющийся свет...»	74
Кирилл Ковальджи. Ты белкой в России была...	76
Борис Колымагин «Скалы волнами, волны покоя...»	77
Евгений Кольчужкин «Дом похвалится крышею; та — коньком...»	78
Андрей Коровин. и после смерти	79
Ирина Котова «Это женщина, твердою гелевой речью...»	80
Инга Кузнецова «Жизнь убегает, точно муравей...»	81
Максим Лаврентьев «Изучая таинственный мир...»	82
Евгений Лесин «Раньше клали ключ под коврик...»	83
Вадим Месяц «Белизна обмороженных детских щек...»	84
Татьяна Милова «Как-то щедро мы разбрелись, расплескивались по городам...»	85
Вадим Муратханов «Пока вы не отвыкли от дыханья...»	87
Виталий Науменко «Брось, не садись, этот поезд уходит не скоро...»	88
Евгений Степанов. Все о том же	89
Дмитрий Плахов. теплород	90
Наталья Полякова «так пахнет свет вишнёвой брагой...»	91
Анна Ретеюм «Кто я для тебя?...»	92
Михаил Свищев. Местные авиалинии	94
Евгений В. Харитоновъ. Утопия для людей	95
Борис Шапиро «Спросим себя, забегая вперёд, как же так...»	96
Ганна Шевченко «Раздеты рощицы и скверы...»	97
Глеб Шульпяков «...дерево. Оно...»	98
Санджар Янышев. Чтение	100

Литературно-художественное издание

ЭТО ВСЕ О НЕЙ...
сборник памяти Татьяны Тихоновой

руководитель проекта Вадим Месяц
редактор Андрей Тавров
оригинал-макет и вёрстка — Екатерина Перченкова

Издательство «Русский Гулливер»
Тел. +7 (495) 159-00-59
E-mail: russian_gulliver@mail.ru
<http://www.gulliverus.ru>

Подписано в печать 13.01.14
Формат 140 x 200
Гарнитура Newton C
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Cherry Pie
112114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12

